

16+

Мама для ДВОЙНЯШЕК БОССА

НИКОЛЬ КЕЛЛЕР

Николь Келлер

Мама для двойняшек босса

«Автор»

2022

Келлер Н.

Мама для двойняшек босса / Н. Келлер — «Автор», 2022

Семь лет назад результатом случайной встречи с Лукой Орловым становится рождение моей дочери Олюшки. Судьба сталкивает нас во второй раз: когда моей малышке ставят смертельный диагноз, и ей требуется баснословная сумма на лечение. Я становлюсь суррогатной матерью для двойняшек Луки и его жены. Вот только по глупому стечению обстоятельств малыши, что растут под сердцем, - Луки и...мои.

© Келлер Н., 2022

© Автор, 2022

Николь Келлер

Мама для двойняшек босса

Пролог

– Наконец-то! – едва я вбегаю в кабинет, мне навстречу кидается взволнованная Лена. – Что у тебя с телефоном?! Я тебе звоню-звоню, устала уже прикрывать перед руководством! Тебя босс искал!

– Прости, – бормочу, доставая из кармана телефон. Действительно, тринадцать пропущенных. – Спасибо, что прикрыла.

Я отворачиваюсь в сторону и утираю ладонями щеки. Хватит! Надо взять себя в руки и подумать о дочери! Слезами я ей точно не помогу.

– Рада, случилось чего? Ты какая-то бледная...

И этот участливый тон подруги напрочь сносит остатки самоконтроля. Я обессиленно падаю на стул, роняю голову на руки, сложенные на столе, и даю волю слезам. Выплакавшись, выкладываю подруге все, как есть.

– Оля больна. Очень серьезно. Нужна операция. Платная. А таких огромных денег у меня нет...

– Ого... – Лена садится рядом и сочувственно гладит меня по плечу. – Так, погоди. Давай подумаем. А всякие благотворительные фонды? А кредит?

– Олюшка давно болеет. Сначала думали, просто лечением обойдется, я тогда кредит взяла. Вроде пошла на поправку, но случилось резкое ухудшение, и теперь нужна срочная операция, – слезы снова меня душат, и я прячу лицо в ладонях, жалобно скуля. Как же страшно, когда твой ребенок находится на грани жизни и смерти, а ты ничем не можешь помочь! Абсолютно! И просто наблюдаешь, как ей становится хуже с каждым днем... Хочешь забрать всю болезнь себе, но вместо этого стоишь и наблюдаешь, как твой ребенок проходит все круги ада ежедневно. Вновь и вновь.

– А отец ребенка? Ты вообще ничего не знаешь о нем? – не успокаивается Лена.

– Знаю! Только не пойду к нему!

– Почему? Может, пора засунуть свою гордость куда подальше?! Если у него финансы позволяют...

– Позволяют, и еще как, – бормочу, горько усмехаясь. – Орлов Лука Георгиевич – отец Олюшки.

Глаза Лены грозят вылезти из орбит, а рот округляется в удивлении в форме буквы «О».

– Наш новый босс? Этот невероятно привлекательный красавчик – отец твоей дочери?! Но... как?! Он же... женат!

– Вот и мне тоже интересно: как, – раздается за спиной леденящий душу голос. – Поэтому с этого места можно подробнее, Рада Алексеевна?

В дверях кабинета, опираясь плечом о косяк, стоит Лука. Его глаза цвета шторма, а, значит, он зол, не просто зол, а взбешен.

– Выйди, – приказывает коллеге, даже не глядя в ее сторону. Лена тут же подхватывается и пулей вылетает из кабинета, не забыв прикрыть за собой дверь.

Босс прожигает глазами, оставляя на коже ожоги. Медленной походкой хищника идет на меня, опускается на стул напротив и опасно тянет:

– А вы, Рада Алексеевна, мне сейчас расскажете о ребенке, отцом которого я якобы являюсь, – цедит каждое слово, заставляя меня трястись от страха.

Глава 1

Рада

Гипнотизирую тест на беременность, мысленно умоляя появиться заветную вторую полоску. Но чудес на свете не бывает.

Чувствую, как жгучие слезы разочарования стекают по щекам, хотя я обещала себе не плакать. От бессилия опускаются руки. За что? Почему это происходит со мной?!

– Ну, что там? – в ванную бесцеремонно врывается муж и заглядывает через плечо, разочарованно и даже со злостью выдыхая, – опять отрицательный!

Реакция мужа вызывает во мне бурю негодования и новый поток слез. Каждый месяц, на протяжении двух лет, видя одну полоску на тесте, от Платона я получаю такую реакцию: раздражение, злость и тонкие намеки на свою неполноценность. Я все это знаю и без него! И каждый раз надеюсь на поддержку и понимание, а на самом деле получаю лишь упреки.

– Это твоё вторичное бесплодие вообще лечится?! – муж сегодня начинает наседать с самого утра.

– Врач же сказала, что да! На все нужно время, Платон!

– Ты не можешь забеременеть уже два года, Рада! По-твоему, это недостаточный срок?!

– Что ты завелся? – перехожу на крик, захлебываясь слезами. В груди печет, разрывает от обиды и непонимания, от того, что муж, самый близкий и родной мне человек, считает, что только я виновата в том, что не могу зачать. Хотя на самом деле моя самая главная мечта на сегодня – подарить ему ребенка. – Ты же прекрасно видишь, что я стараюсь! Я строго выполняю все указания врача: обследования, УЗИ, отслеживание овуляции, гормональная терапия, бесконечные анализы... Неужели ты ничего не замечаешь?! Неужели думаешь, что я специально не беременею и провалила очередную попытку ЭКО?!

– Я уже ничего не думаю, Рада. Я устал.

Неожиданно дверь в ванную тихонечко открывается, и на пороге появляется заспанная, взъерошенная и забавная Оля – моя дочь. Моя отрада и смысл жизни.

– Почему кричите? Вы опять ругаетесь? – Олюшка встревоженно переводит взгляд с меня на Платона и обратно.

– Нет-нет, котенок, все хорошо, – опускаюсь на корточки перед Олюшкой, спеша успокоить Кнопку. Это её детское прозвище, которое я ей дала в первый же день в роддоме из-за аккуратного крошечного носика. – Давай чистить зубы, завтракать и в садик.

Платон смотрит с раздражением на Олюшку, но, слава Богу, у него хватает мозгов промолчать. В последнее время я замечаю, что он все больше и больше бесится, глядя на мою дочь.

Олюшка – моя и только моя дочь. С Платоном мы сошлись, когда Оле уже было три года, и он уверял, что будет любить её как свою. Но не смог.

Платон обходит нас, не глядя в нашу сторону, и спустя несколько секунд оглушительно хлопает входная дверь. Я вздрагиваю всем телом, как будто получила смачную пощечину. Хотя, так оно и есть. Только я получила моральный удар от человека, который на протяжении почти трех лет говорил, что любит меня, и делил со мной постель...

По щеке катится обжигающая слеза обиды, и я спешу смахнуть её, но моя внимательная Олюшка замечает этот жест и неожиданно выпаливает, развернувшись ко мне:

– Мама, давай уедем от дяди Платона, – говорит твердо, глядя серьезно и прямо мне в глаза.

– Почему, котенок? – удивленно вскидываю брови.

– Потому что ты с ним всегда грустная и плачешь. Он тебя обижает.

Обнимаю свою умную и проницательную не по годам малышку и снова едва сдерживаю слезы. С Платоном и, правда, нужно что-то решать, раз уж даже ребенок замечает неладное между нами. И это я должна её защищать и оберегать от всего и всех. А выходит наоборот.

Мы, держась за руки, дружно идем на кухню. Оля садится за свой стул и ждет, когда я накрою на стол.

– Кушай, солнышко, – ставлю перед ней омлет и стакан теплого молока, а сама поворачиваюсь к кофемашине. Задумавшись, по привычке делаю два кофе. И только потом вспоминаю, что Платон ушел, оставив меня одну с нашей общей бедой.

Выливаю обе кружки в раковину, споласкиваю и ставлю на сушилку.

– Долго не сиди, солнышко, мы сегодня с тобой на такси едем. Иначе опоздаем: ты – в садик, я – на работу.

– Хорошо, мамочка.

Я собираюсь на работу, совершенно не обращая внимания, во что одеваюсь. Сейчас мои мысли заняты совсем другим. Что будет дальше? Как мне вести себя с Платоном? К какому еще врачу сходить, чтобы, наконец, был положительный результат?!

– Мамочка, поможешь мне? – подбегает Оля и становится спиной ко мне, чтобы я застегнула ей платье.

Наклоняюсь, тяну молнию вверх и замираю на месте. Развожу в разные стороны края платья, и глаза сами округляются от шока и ужаса.

– Оля, что с тобой случилось?

– Ничего. А что такое?

– У тебя вся спина в синяках! Ты падала? Тебя били в садике?!

– Нет, все хорошо. У нас в группе никто не дерется, мы дружные.

Я провожу ладонями по утрашающим отметинам, надавливая на некоторые пальцами.

– Больно?

– Нет, я ничего не чувствую.

Хмурюсь, ощущая в груди некоторое волнение и тревогу. Как только приеду в офис, сразу же запишу малышку к врачу! Пусть пропишет ей курс витаминов, может, что-то для иммунитета...

– Подождите меня, пожалуйста, я скоро, – предупреждаю таксиста, выходя с Олей, чтобы проводить ее до группы.

Пулей несусь в садик, сдаю Олюшку воспитательнице, крепко обняв и поцеловав на прощание, и в таком же темпе несусь обратно к ожидающему такси.

Разумеется, я не смотрю по сторонам и, что неизбежно, наталкиваюсь на препятствие. Лишь подняв голову, обнаруживаю, что налетела на мужчину.

На мужчину, чей взгляд синих глаз кажется мне до боли знакомым... На мужчину, от чьего прикосновения мое тело вспыхивает, как спичка.

– Осторожнее, – низкий голос обволакивает меня, как... как семь лет назад.

Мужчина внимательно рассматривает меня с ног до головы, хмурится, как будто тоже пытается узнать.

Где-то же я его видела... мы определенно точно встречались, но где?!

Нетерпеливый сигнал ожидающего такси прерывает мои мысли.

– Извините, – бормочу и убегаю к машине, даже ни разу не обернувшись.

Глядя на мелькающий пейзаж в окне, я прокручиваю в голове эту более чем странную встречу.

Вспоминаю глаза и голос из прошлого. Откровенные и такие горячие прикосновения... Не зря говорят, что первый мужчина навсегда останется в памяти женщины.

Неожиданная догадка озаряет меня. Быстро, подрагивающими от нетерпения руками я разблокирую телефон и открываю соцсети. Ввожу в поиск фамилию и имя своего первого мужчины.

В найденных всплывает лишь один – единственный профиль. Там не так много фотографий, но, ткнув на первую же попавшуюся, понимаю: только что я столкнулась с прошлым. С отцом своей дочери. Лукой Орловым.

– Нет, не может быть! Так не бывает! – бормочу, пытаюсь убедить себя в обратном. Но бесполезно. Смотрю на фото, на такие запоминающиеся яркие глаза и понимаю: ошибки быть не может.

И, что самое знаменательное, мы столкнулись не где-нибудь, а именно у детского сада нашей общей дочери!

В голове каша, все смешалось: и поступок Платона, непонятно, как с ним себя вести, что делать в сложившейся ситуации, есть ли у нас вообще будущее, эта странная и неожиданная встреча с Лукой...

Но в это злополучное утро я и подумать не могла, что проблемы с Платоном и Лукой в ближайшем будущем отойдут на самый задний план...

Глава 2

Рада

– Радааа! – раздается проникновенный голос подруги, а по совместительству коллеги. – Ты слышишь вообще меня? Третий раз тебя зову!

Когда я отрываюсь от сцепленных ладоней, что лежат на столе, замечаю, что две пары глаз меня внимательно изучают.

В рекламном отделе, который я возглавляю, нас трое: в моем подчинении Рита и Лена. Но у нас давно уже стерлась грань «начальник-подчиненный», и мы очень тесно общаемся. Дружим семьями, так сказать. Вот только Рита – единственная среди нас, кто не замужем.

И сейчас девочки с тревогой сканируют меня взглядом.

– Что, прости? Я задумалась.

– Я говорю, ты чего такая?

– Какая? – бурчу, отводя взгляд и переводя его в монитор компьютера. Хотя этого можно было и не делать: мы с девочками давно научились считывать друг друга и даже понимать без слов.

– Хмурая и сердитая. С Платоном поругалась?

Такое резкое вторжение на мою личную территорию немного коробит меня, и я морщусь, словно проглотила лимон. Да, я понимаю, что девочки желают мне добра, но они никогда не переступали черту, поэтому вопрос о муже меня немного задевает.

Я понимаю, что подруга хочет мне добра. Поддержать, посочувствовать, успокоить, но в данный момент мне хочется побыть одной. Собраться с мыслями и обдумать все, в конце концов.

– Нет, – бурчу, не глядя в глаза.

– Ну, нет так нет.

Чувствую укол совести, ведь, положила руку на сердце, Рита ни в чем не виновата: ни в моем дурном настроении, ни в том, что Платон сбежал, накричав на меня, ни, в конце концов, в том, что моя очередная попытка забеременеть провалилась.

– Извини, просто я не выспалась, – произношу грустно.

– Ничего, бывает, – лицо Риты озаряет улыбка. – Ты же знаешь, что всегда можешь положиться на нас.

Слова поддержки от подруги, призванные успокоить меня, производят обратный эффект, и я роняю голову на руки, сложенные на столе, и плачу едва ли не в голос.

– Рад, ну, Рада, ты чего? – тут же подлетает Лена и гладит меня по волосам. – Что случилось? Не реви, душу рвешь.

– И правда, что такого случилось, что ты сама не своя?! Говори сейчас же, вместе что-нибудь придумаем!

Я поднимаю благодарный взгляд на подруг и позорно шмыгаю носом.

– Спасибо, девочки, вы у меня такие... Самые-самые... Хорошо, что вы у меня есть!

– Ты нам зубы не заговаривай! Давай, выкладывай, что за катастрофа вселенского масштаба?!

– Тест отрицательный.

– И всего-то?!

– Не «всего-то», – передразниваю подругу, – а я снова не беременна! Снова! Хотя врачи утверждают, что я и Платон абсолютно здоровы. Снова попытка ЭКО провалилась. А еще он от меня ушел.

– Как ушел? – заметно оживляется Рита, придвигаясь ко мне ближе. – Куда ушел? Из-за теста?!

– Да. Просто хлопнул дверью, оставив меня одну, и поехал на работу. По крайней мере, мне хочется на это надеяться... – решаю свернуть неприятную для меня тему. – Ладно, девочки, давайте работать. Спасибо вам, что выслушали. Мне, правда, стало легче.

Руководство буквально заваливает нас поручениями, и мы с девочками с головой уходим в работу. Да так, что до обеда не произносим и звука, каждый занимаясь своим делом.

– Говорят, Пал Палыч уходит и продает компанию. Вроде сделка должна состояться на днях, – огорошивает за обедом Лена.

– Да ладно?! Он же без работы жизни не смыслит!

– Да, я тоже слышала об этом, – подхватывает Рита. – Говорят, у него большие проблемы со здоровьем.

– Ого, не знала. Очень жаль. Теперь вот привыкать к новому руководству.

Новость от девчонок расстроила меня еще больше. Я не знаю, кто придет на смену Пал Палычу, с которым мы работаем сто лет и давно понимаем друг друга без слов. Кто знает, каким будет новый босс, и не начнет ли он зачистку кадров сразу после вступления в должность?

У Риты пикирует телефон, она смахивает сообщение пальцем и довольно улыбается. Что-то быстро строчит в ответ и поднимает на меня умоляющие глаза:

– Радочка, можно я сегодня на пару часиков пораньше уйду? Ну, пожалуйста? Очень надо!

– Если отчет по потраченным средствам на рекламу успеешь отправить Быкову, то иди. Только давай в этот раз без косяков, сама знаешь, какой он щепетильный клиент.

– Все будет в лучшем виде, вот увидишь! Обещаю! Спасибо тебе большое, дорогая!

Рада действительно делает отчет так, что не придраться, и я со спокойной душой отпускаю ее.

– Только, пожалуйста, постарайся не попасться на глаза Пал Палычу или его секретарше. Не хочу оправдываться.

– Конечно, дорогая! Я проскочу тихо, как мышь! Все, целую, я убежала.

Провожая взглядом подругу и немного ей завидую. Мне так отчаянно хочется быть такой же беззаботной, а не думать постоянно, наступит ли в этом месяце беременность, подходящие ли сегодня дни для зачатия и была ли у меня вообще овуляция в этом месяце. Платон так сильно хочет общего ребенка, что эта идея больше напоминает паранойю.

Да, Платон – не родной отец Олюшки. Ее я родила, когда мне было восемнадцать, от парня, о котором я знала только имя. Это мой самый безбашенный поступок в жизни, но я ни о чем не жалею. Этот незнакомец подарил мне счастье быть матерью. И я его мысленно буду благодарить за это всю жизнь.

Мои воспоминания прерывает звонок мобильного. Не отводя взгляда от экрана, смахиваю и принимаю вызов.

– Аллю!

– Рада Алексеевна, здравствуйте. Вас беспокоит Ирина Степановна, воспитатель Оли. Сердце пропускает удар. Неужели что-то случилось с моей Кнопочкой?!

– Я узнала вас, здравствуйте. Все в порядке?

– И да, и нет. Вы не могли бы подъехать сегодня пораньше, чтобы мы могли поговорить? Кидаю взгляд на настенные часы и прикидываю, через сколько я могу быть в садике. В принципе, все запланированное на сегодня я сделала, так что спокойно можно минут на сорок уйти пораньше.

– Да, конечно, я прямо сейчас к вам выезжаю.

– Спасибо. Жду вас.

– Что-то случилось? – из-за монитора выглядывает встревоженная Лена.

– Сама пока не знаю. Звонила воспитательница из садика, просила пораньше приехать... Лен, прикрой меня, если что? Мне уже бежать надо.

– Конечно, без вопросов! Езжай и ни о чем не думай!

– Спасибо, Лен. До завтра!

– Беги, давай! И удачи!

В садик я едва ли не влетаю. Тут же выцепляю взглядом фигуру Ирины Степановны. Она тоже замечает меня, кивает и подходит, что-то шепнув нянечке.

– Здравствуйте еще раз. Давайте пройдем сюда, – указывает рукой, – чтобы детки нас не отвлекали. Рада Алексеевна, скажите, пожалуйста, у вас в семье все в порядке?

Неожиданный вопрос воспитательницы застает меня врасплох. Неужели Кнопка проболталась о наших частых в последнее время ссорах с Платоном? Раньше за ней такого не водилось...

– Да, все в порядке, – растерянно улыбаюсь, судорожно придумывая в голове какую-нибудь достоверную отговорку. – А что?

– Дело в том, что Оля последние дни ходит вся в синяках, – укоризненно смотрит на меня.

О Боже! Она что, сейчас совсем непрозрачно намекает на то, что в нашей семье царит рукоприкладство?!

– Это не то, что вы подумали, – жестко чеканю. – Мы не бьем Олю. Да у нас даже в мыслях такого не было! Да, сегодня утром я тоже заметила, что синяков очень много, но я не знаю, откуда они взялись. Признаться честно, я хотела у вас спросить, может, кто-то из детей обижает мою дочь? Или же она упала на днях?

– Нет, ничего такого не было.

– Хорошо. Спасибо, что среагировали, Ирина Степановна. Не волнуйтесь, я записала Олю к врачу, мы обязательно обследуемся и узнаем природу этих синяков.

– Спасибо. Я также хочу сказать, что в последнюю неделю Олюшка просыпается с дневного сна очень вялая, уставшая. Не хочет играть с другими детьми, у нее вообще нет настроения. Поэтому я подумала, что, возможно, у вас нарушен режим, и не очень здоровая обстановка в семье...

А вот это уже настораживает. Я такого не замечала за дочерью. Еще раз убеждаюсь, что нужно посетить доктора как можно скорее.

– Нет, нет, все в порядке, спасибо за беспокойство. Мы обязательно во всем разберемся.

Я прощаюсь с воспитательницей, подзываю Кнопочку и мы вместе, держась за руки, идем домой.

– Как дела в садике? – осторожно интересуюсь, глядя на доченьку. Я не могу сказать, что сейчас она выглядит подавленной и вялой. Обычный ребенок. Улыбается, как и всегда. Только вот тревога все равно ядом расползается в груди.

– Все хорошо. Миша опять меня дергал за хвостик, а у Леры новая кукла. А еще я спать хочу.

– Тогда будешь ложиться пораньше вечером, хорошо? Сегодня читаем сказку и сразу в кроватку, мультик смотреть не будем, договорились?

– Ну, маааам! Я хочу смотреть мультик про феечек! Это все Сева виноват: он балуется и не дает мне спать!

Вот и отгадка. Аж от сердца отлегло. Нет никаких проблем у моей малышки. Во всем виноваты внешние факторы. Но для собственного спокойствия завтра мы обязательно сдадим расширенные анализы и посетим врача, я уже записала Кнопку в клинику.

Но все мысли о здоровье Кнопки отходят на второй план, когда мы входим в квартиру, и я вижу... Риту, выходящей из *нашей* с Платоном спальни. В одном шелковом халатике, накинутом на голое тело. *Моем* халатике. А за ней появляется Платон в одних трусах и озадаченно хмурится, бесстыже глядя мне в глаза.

Только что я потеряла мужа. И лучшую подругу.

Глава 3

Рада

Я тут же прикрываю глаза Кнопке подрагивающей ладонью. Не дай Бог, еще начнет задавать вопросы, почему дядя Платон в нашей спальне с чужой тетей. Оля может. Она у меня девочка очень смышленная.

– Олюшка, иди солнышко, в свою комнату, переодевайся и поиграй немного. Нам с дядей Платоном нужно поговорить.

Рита то бледнеет, то зеленеет, не смотрит в мою сторону, отводит взгляд, упорно рассматривая узор обоев на стенах, потолок, но не поворачивает больше голову на меня. В конечном итоге возвращается в спальню.

Платон провожает любовницу взглядом, тяжело вздыхает и идет вслед за ней, закрыв за собой дверь. Щелчок замка в двери срывает стоп-кран моей выдержки. Как будто кто-то нажал на спусковой крючок, чтобы добить меня, но нанес очередную рану, которая кровоточит с неимоверной силой. От которой нет лекарства. Потому что предательство не лечится.

С абсолютно пустой головой иду на кухню. Мне надо чем-то себя занять, чтобы не сойти с ума за эти несколько минут, пока голубки не уйдут. Ведь они же уйдут? Они же...они же не вернулись к тому, на чем остановились?.. Потому что от такого цинизма я точно сойду с ума!

Меня трясет. Выворачивает наизнанку от боли. Хочется просто упасть на пол, свернуться в клубок и орать, выплескивая наружу всю боль кровоточащей души. Да, у нас с Платоном не было идеальной семьи. Да, у нас не получалось с ребенком, но...я никогда не думала, что мужчина, который клялся мне в любви, при первой же трудности побежит искать утешения под чужой юбкой.

Наливаю себе стакан воды, чтобы хоть немного унять бешено колотящееся сердце и привести в порядок нервы, но руки настолько трясутся, а меня просто наизнанку выворачивает от боли, что я роняю стакан, он ударяется о край мойки и разбивается на тысячи мелких осколков. Прямо как моя жизнь.

Один из них отлетает и режет ладонь. Я смотрю, как медленно стекает кровь, и ничего не чувствую. Абсолютно ничего. Уж эта боль точно не сильнее той, что раздирает мою душу на ошметки и буквально заставляет выть от безысходности.

За что?! Почему?!

– Ты сама виновата в случившемся, – вздрагиваю, когда раздается за спиной равнодушный голос Платона.

Оказывается, я задала эти вопросы вслух в тот момент, когда муж вошел на кухню. Почти бывший муж. Потому что мы точно не сможем быть вместе после такого. Я не прощаю предательства. Никогда и никому. И не смогу делить с ним постель, зная, что однажды он был с другой женщиной. Всегда буду думать, а не изменяет ли он мне конкретно в данный момент? Буду прикидываться и искать следы помады на воротниках рубашки. Я так не смогу. Или сотворю что-то противозаконное или же сойду с ума. Ни то, ни другое я себе позволить не могу – у меня Олюшка, у которой никого, кроме меня, нет.

– Я? Виновата?! Прости, чем же?! – от такого наглого поведения Платона я буквально задыхаюсь. Сейчас он стоит напротив, засунув руки в карманы домашних брюк, и смотрит на

меня...никак. Равнодушно. Безучастно. Как будто я- мебель, а не женщина. Стул. Так можно смотреть на стул, стол, микроволновку...на любые неодушевленные предметы, на которые вам откровенно плевать.

– Тем, что ты соврала мне насчет своего диагноза. Если бы ты сказала о нем раньше, этой проблемы бы не было, – пожимает плечами, прекрасно зная, что наступает на больную мозоль, и ничуть этого не стесняется.

– Я не знала о нем! Не! Знала! – срываюсь на крик, огромным усилием воли сдерживая слезы. Сложно. Очень сложно совладать собой и выглядеть достойно, а не истеричкой, которая пытается удержать мужика любыми путями. – И что значит «этой проблемы не было бы»?

– А то, что я бы не женился на тебе.

– То есть тебе нужна женщина только в качестве инкубатора? – зло выплевываю, надвигаясь на мерзавца. Я ударю. Клянусь, я ударю его за такое отношение к себе, которое я точно не заслужила.

– Мне нужна нормальная женщина! Нормальная, слышишь, Рада?! А не жалкое ее неполноценное подобие! Ты же постоянно пропадаешь на работе, строишь карьеру! Ты растворилась в своей Оле, уделяя ей все свое внимание. А я? Что оставалось мне?! Никакого внимания и заботы! Быт вела через пень колоду, откровенно забив на него! Супружеский долг тоже исполняла как повинность, без энтузиазма и желания. Думаешь, приятно видеть в постели...бесчувственное существо, которое хочет близости только в определенные дни, чтобы получилось с ребенком?! А что мне делать оставшиеся недели?!

Его слова полны ненависти и презрения. Замираю посреди кухни, буквально оглушенная каждым оскорблением.

Никогда бы не подумала, что в мужчине, который буквально с первых дней окружал меня любовью и заботой, столько ненависти и злобы по отношению ко мне! А как умело он ее скрывал! И ревности. Черной, жгучей, сметающей все на своем пути. Здравый смысл в первую очередь. Потому что он ревнует к маленькой девочке! Это настолько глупо, что я даже не подберу слов, чтобы описать, насколько! Потому что никогда ни один мужчина не будет для меня в приоритете! Они уходят и приходят, а Олюшка будет моей доченькой всегда-всегда. И никогда не предаст.

– Какая разница, что я сейчас скажу, ты же самостоятельно нашел выход и без моей помощи!

– Да, и я рад, что решился на этот шаг. Иначе так бы всю жизнь и проболтался на сотом месте после карьеры, Оли и прочих твоих важных дел. Знаешь, Рада, я ни о чем не жалею! Рита подарит мне сына, которого ты так и не смогла мне родить!

Для меня его слова звучат как гром среди ясного неба. Бьют безжалостно и наповал. Мне кажется, я даже дышать перестала. Но я чувствую, что жива. Потому что мертвые не могут чувствовать такой боли. Она уничтожает, распространяется молниеносно, как раковая опухоль, сметая все на своем пути.

– Что? – выходит сипло из-за комка в горле. Прилагаю титанические усилия, чтобы сквозь гул в ушах расслышать ответ и постоянно концентрироваться на расплывающейся картинке образа мерзавца.

– Ты все правильно поняла. Рита беременна. И я уйду к ней. Сейчас соберу основные вещи, на днях заеду за оставшимися. Надеюсь, тебе хватит ума и такта расстаться по-хорошему и не чинить мне препятствия. Наш ребенок ни в чем не виноват.

Ребенок... У моего бывшего мужа будет ребенок от моей бывшей лучшей подруги. Разве в жизни такое бывает? Чтобы все кошмары сбылись в один день и с одним человеком?!

Конечно, их ребенок ни в чем не виноват. Но я?! Чем я прогневила небеса, что такое случилось со мной?! За что все эти удары судьбы?!

– Квартиру, так и быть, оставлю тебе, обижать не стану.

Задыхаюсь от подобной наглости. Но в глубине души, в самом темном ее уголке я благодарна ему за эти вскользь брошенные слова. Они приводят меня в чувства, помогают собраться и обрести «второе дыхание».

– Квартира – моей мамы и досталась мне по наследству. Тебе и квадратного сантиметра в ней не светит, – шиплю, невоспитанно тыча в Платона указательным пальцем.

– Если захочу, Рада, я и ее отсужу. Ты просто не представляешь, какие у меня связи.

Я хочу ему посоветовать, куда он может засунуть свои связи, но как раз в этот момент из комнаты с опущенной головой выходит полностью одетая Рита.

– Стоять, – холодно чеканю и, гордо расправив спину, иду в сторону предательницы. В конце концов, мне нечего бояться – это не я увела чужого мужа.

В ее глазах тут же мелькает страх, и Рита пытается заглянуть мне за спину. Она прекрасно знает, какая я в гневе. И правильно боится. Но я не собираюсь опускаться до скандала. Не хочу становиться на один уровень с этими предателями.

– Ты кое-что забыла, дорогая, – распаиваю дверь, указывая головой в спальню. – Зайди.

– Рада, что ты... Зачем?..

– Знаешь, я жила по-всякому: хорошо и не очень. Но с самого детства мама научила меня не брать бэушные вещи. А тебе, я смотрю, нравятся такие. Так что вот тебе пакет, – достаю с полки в прихожей большой пакет и впихиваю в руки ошaleвшей Рите, – быстро собрала постельное белье, халатик и мужика своего не забудь. И проваливайте оба из моей квартиры.

Рита за все время нашего знакомства ни разу не видела меня в таком состоянии. Я сейчас зла и взвинчена до предела. И бывшая подруга чувствует, что в таком состоянии я могу натворить что угодно. Поэтому безропотно складывает вещи в пакет и идет на выход, не глядя в мою сторону.

Даже Платон притих и молча заходит в спальню, достает из шкафа дорожную сумку и аккуратно складывает в нее вещи.

Неожиданно силы покидают меня. Вся эта ситуация меня буквально высосала, выпотрошила, и я устало плетусь в комнату к дочери. Тихо вхожу, наблюдая, как Олюшка играет с куклами на полу, и все, на что меня хватает: сползти по стене.

Дочь тихонько подходит ко мне и садится рядом. Кладет на колени небольшого медвежонка Тедди, которого я когда-то купила ей за то, что она стойко выдержала прививку. Моя девочка, мой смысл жизни обнимает меня, прижимаясь щупленьким телом.

– Возьми, мама, Тедди тебе обязательно поможет. Я всегда его обнимаю, когда мне грустно.

– А когда тебе грустно? – удивленно спрашиваю, перебирая ее золотистые волосы и немного успокаиваясь.

– Когда скучаю по бабушке или завидую Маше: у нее есть папа, а у меня нет.

Я едва сдерживаю рвущиеся наружу слезы и крик отчаяния. Одна моя ошибка, один неверный шаг, и я испортила жизнь своему ребенку. Теперь она чувствует себя неполноценной. И все из-за моих глупых желаний...

Прости меня, Олюшка, это мама твоя непутевая виновата. Плохо выбирала тебе папу. Я не смогу тебе его заменить, нет. Но и впредь буду изо всех сил стараться, чтобы грустные мысли посещали тебя как можно реже...

Глава 4

Рада

Следующее утро начинается со скандала.

Зайдя в кабинет, я буквально задыхаюсь от ярости и негодования.

– Доброе утро всем! – холодно чеканю, стараясь сохранять хотя бы внешнее спокойствие. Потому что внутри меня кипит вулкан, и его лава грозит вырваться в любую секунду от любой неосторожно брошенной фразы.

Лена тут же бросает на меня недоуменный взгляд. Я понимаю подругу: даже когда у меня были проблемы с руководством, я не вела себя, как стерва. И ей непонятны резкие перемены в моем поведении.

Рита же продолжает что-то печатать в компьютере с невозмутимым видом, даже не повернув головы в мою сторону. Как будто не случилось вчера ничего из ряда вон, и она привычная вот так приходить в чужие квартиры и разбивать семьи лучших друзей.

Что ж, пришла пора расставить все точки над ё и свернуть гастроли театра абсурда.

– Рита, я надеюсь, с раннего утра ты так усердно печатаешь заявление об увольнении?

Коллега задирает подбородок, не спеша поворачивает голову в мою сторону и окидывает пренебрежительным взглядом, скривив губы в снисходительной и мерзкой улыбке. А ведь эта ее сущность проявилась не вчера, когда она запрыгнула в постель к моему мужу, и не сегодня, когда она без зазрения совести явилась в наш отдел. Нет, Рита была такой всегда, сейчас отчетливо это понимаю, только я на это всегда закрывала глаза и не обращала внимания.

– С чего ты взяла? Нет. Я доделываю то, что не успела вчера перед тем, как уйти на свидание, – и снова одаривает меня смелым нахальным взглядом и ухмылкой победительницы.

Не скрою, ее тонкий хамский намек бьет по больному. Я едва сдерживаю слезы, что почти застилают глаза. Все же предательство двух близких людей не так-то просто пережить. Такое не забывается по щелчку пальцев.

Но я напоминаю себе, что это я – пострадавшая сторона в этой истории, и правда определена на моей стороне, так что мне совершенно нечего бояться.

Поэтому я, как истинная начальница, поступаю так, как никогда не позволяла себе вести. Опускаюсь в кресло, расслабленно откидываюсь на спинку, закидываю ногу на ногу и кладу руки на подлокотники.

– Твое рвение к работе похвально. Но, боюсь, немного неактуально. Так что заявление по собственному написать все же придется. Ты же понимаешь, что работать мы вместе, тем более в одном отделе, больше не сможем ни при каких обстоятельствах?

Лена замирает и, уже не скрываясь, смотрит на меня прямо, наблюдая за нашей перепалкой, открыв рот.

Рита все не успокаивается и пытается добить меня с видом победительницы:

– Ты, наверно, плохо слушала, что вчера сказал Платон? Я беременна. И по закону меня никто не может уволить. И вообще ты с утра пораньше мотаешь мне нервы! Я не собираюсь работать в такой атмосфере! Так что я – на больничный, а вы пашите, как хотите!

Рита легко, как будто эту сцену продумала вчера до мелочей, вскакивает со своего места, пинком носка туфли выключает стоящий на полу процессор и, гордо вскинув голову, цокает каблуками из кабинета.

Я с тяжелым вздохом, дрожа вся внутри от переполняющих меня эмоций, роняю голову на стол. И спустя несколько секунд ощущаю, как Лена осторожно гладит меня по плечу.

– Я понимаю, что лезу не в свое дело, – осторожно начинает она, – но для себя все же уточню: Платон – это... твой Платон?

– Нет. Не мой.

Слышится облегченный выдох.

– Он перестал быть моим, когда пустил эту дрянь в нашу постель.

Глава 5

Рада

Лена охает и сильнее сжимает мои плечи.

– Но... Как же... Но вы же с Платоном... Ритка же на свидания ходила...

– Ходила. С моим мужем. И, судя по ее беременности, давно ходила.

Слезы так и рвутся наружу, но я буквально заставляю себя собраться и быть сильной. Я на работе. В офисе, где даже у стен есть уши. И наверняка они слышали нашу перепалку

с Ритой. И я не собираюсь никому доставлять удовольствия, рыдая, что моя семейная жизнь разрушена моей же подругой.

Поэтому я решительно поднимаю голову, глубоко вдыхаю и резко выдыхаю, хлопая ладонями по столу.

– Так, – произношу максимально ровным тоном, стараясь не глядеть на Лену. Потому что знаю: стоит мне увидеть хоть толику сочувствия с ее стороны, и я расклеюсь. А этого допустить никак нельзя. На мне, в конце концов, Кнопка. – На сегодня у нас много дел. Рита свалила, а, значит, все задачи нам придется делить пополам. Плюс, мне надо будет отлучиться после обеда, так что ты, Лена, вообще останешься за главную.

– Да, да, конечно, Рада, – коллега садится за свое место и покорно ждет дальнейших указаний. – Можешь смело мне скидывать Ритины задания, все сделаю, не переживай.

– Что бы я без тебя делала, Лен! Спасибо.

Подруга ободряюще подмигивает, а я, раскидав задания, быстренько царапаю заявление, чтобы отлучиться с Кнопкой в клинику.

В приемной царит непривычная суeta и напряжение. Подхожу к секретарю, и мне приходится ее дважды окликнуть, чтобы привлечь внимание к себе.

– Люда, Аркадий Борисович у себя? Мне срочно к нему нужно попасть по личному вопросу, – трясусь перед ней листком с заявлением.

– Ой, Рада, давай не сейчас, вот вообще не до личных вопросов. Шеф просил никого не пускать.

– А что вообще происходит?

– Ты что, не в курсе? – понижает голос и смотрит по сторонам, проверяя, не подслушивают ли нас.

– Не в курсе чего?

– Аркадий Борисович нас продал! И с сегодняшнего дня у компании новый владелец. Вот сейчас они сидят у него в кабинете вместе с юристами и подписывают договор.

– Я ничего не знала... – растерянно бормочу, закусывая губу. – И что теперь делать? Мне очень-очень надо! Не знаешь, может, они все же прервутся? Мне бы только предупредить...

– Даже не проси, Львова! Я туда не пойду даже под дулом пистолета! Ты просто не видела нового босса! У меня от одного его взгляда все внутри в комок сжалось. Меня до сих пор колотит! Если я сейчас привлеку к себе внимание, он меня точно уволит! А мне никак нельзя, у меня ипотека!

– Черт! Как все не вовремя...

– Что там у тебя? – указывает глазами на бумагу.

– Да заявление. Хотела предупредить, что отлучусь на несколько часов. Мне дочку надо в клинику на обследование сводить. Я уже и ко всем специалистам записалась...

– Так иди, Рада! Только постарайся никому на глаза не попасться, – неожиданно заявляет Люда. – Шеф сказал, что они там до обеда точно просидят. Успеешь до этого времени? Если что, скажу, что поехала в Максимовскому ТЗ обсудить.

– Люда, ты – чудо! – от радости я едва не подпрыгиваю на месте. – Спасибо тебе огромное! Должна буду!

– Я «Красный бархат» если что люблю, – усмехается, бросая мне в спину, но я уже выбегаю из приемной.

Я быстро собираюсь, на ходу даю Лене ценные указания, не забыв сказать, если что, как меня прикрыть, и через полчаса мы с Кнопкой уже сидим у кабинета доктора.

– Мама, я боюсь, – Оля поднимает на меня свои огромные глаза и сильнее сжимает мою ладонь.

– Чего, солнышко? – удивленно смотрю на дочь и нежно глажу ее по волосам, успокаивая. Меня напрягает ее поведение: раньше дочь никогда не боялась врачей. – Тебя просто осматрит

доктор, если будет нужно, выпишет витамины, и все. Максимум, сдадим анализы. Но ты же у меня самая храбрая девочка, ни разу не заплакала, когда брали кровь.

– Ты будешь рядом?

– Обязательно, – ни секунды не задумываюсь и обнимаю малышку крепче, целую в макушку. – Всегда-всегда.

Дверь кабинета распаивается, и выходит улыбочивая доктор, которая первым делом обращает внимание на Олю.

– Здравствуй, это ты Оля Львова?

– Да, я, – Кнопка кивает и почему-то жметя ко мне сильнее.

– Тогда проходи, не бойся. Я – доктор Соня.

Следующие полчаса доктор с особой дотошностью осматривает Олю, каждый ее синяк и расспрашивает меня о ее здоровье едва ли не с рождения дочери.

– Раньше такие синяки бывали?

– Нет.

– Оля, а ты точно не падала, не ударялась? Может, в садике кто-то толкнул?

– Нет, – дочь мотает головой и снова вся сжимается в комочек.

– Какие-нибудь еще жалобы есть?

– Воспитатель в садике жалуется на утомляемость, что с трудом встает с тихого часа.

– Режим соблюдаете?

– Да, каждый день ложится вовремя, не позже девяти.

– Витамины принимаете?

– Нет, хотела как раз уточнить, есть ли необходимость и какие.

Врач задумчиво листает карту и смотрит на Олю внимательным взглядом.

– Вот что, для начала сдайте анализы, я сейчас напишу направления и запишу вас на следующий прием. А по результатам будем подбирать дальнейшую тактику. Договорились, Олюшка? – доктор открыто улыбается дочери, и Кнопка, кажется, оттаивает.

– Договорились, – серьезно отвечает и кивает, чтобы придать значимость своим словам.

Мы сдаем анализы, я завожу дочь к Эмме, любезно согласившейся посидеть с ней остаток дня и поработать из дома, и мчу на всех парах обратно на работу.

Едва я залетаю в кабинет и скидываю верхнюю одежду, как без стука врывается запыхавшаяся Люда.

– Так, через пять минут собрание! Всем быть! Новое руководство будут представлять.

– В смысле новое руководство? – хлопает ресницами изумленная Лена.

– В прямом! Сегодня утром нас продали. И сразу скажу, не опаздывайте: новый босс – зверь.

Люда убегает дальше, а мы с Леной синхронно тяжело вздыхаем. Только вот этого не хватало для полного счастья.

Мы с Леной входим в зал самыми последними, все уже собрались. И новое руководство в том числе.

Новый босс смотрит на меня в упор, как будто расстреливает глазами. Все мысли вылетают из головы к чертям, а по спине струится ледяной пот. Руки холодеют, а в легких резко не хватает воздуха.

Напротив, буквально в нескольких метрах стоит тот самый мужчина, которого я встретила возле садика вчера.

Мужчина из далекого прошлого.

Мой новый босс.

И отец моей Кнопки.

Глава 6

Рада

Воспоминания вихрем проносятся в голове, отбрасывая меня в прошлое на семь лет назад.

Олюшку я родила, едва мне исполнилось восемнадцать. Я была молода, импульсивна и жила чувствами.

Я была на дне рождении у подруги, она отмечала его в шумной компании на даче у родителей. Было много наших общих друзей, одноклассники, и, само собой, Женя не могла не пригласить старшего брата. И, чтобы ему не было скучно, был приглашен и его лучший друг.

Он зацепил меня с первого взгляда. Взрослый, старше нас лет на пять, в белой футболке, которая обтягивает широкие плечи, и узкими бедрами, подчеркнутыми низко сидящими джинсами. У парня пронзительный взгляд светло-серых глаз, темные короткостриженные волосы, прямой нос и чувственные пухлые губы. Я тут же хочу ощутить его губы на своих, хочу, чтобы он крепко прижимал меня к своему рельефному торсу...

Бойтесь своих желаний. Или же формулируйте правильно. Потому что они имеют свойство сбываться...

– Скучаешь? – раздается сзади хриплый голос. Я вздрагиваю и поворачиваюсь, тут же «улетая» в светло-серые глаза. Незнакомец опирается плечом о косяк веранды, засунув руки в карманы, и внимательно меня рассматривает. Я тут же заливаюсь румянцем и начинаю нервно теревить подол сарафана. Он подошел!

Сам! Первый!

Господи, сделай так, чтобы я не облажалась!

– Н-нет, – отвечаю, заикаясь, – не скучаю. Просто в доме шумно, вышла подышать воздухом. Я не очень комфортно чувствую себя на таких... мероприятиях. Все пьют...

Боже, что я несу?! Почему у меня рядом с понравившимся парнем открылся словесный понос?! Сейчас он подумает, что я глупая болтушка, развернется и уйдет!

Но парень, напротив, отлипает от косяка и подходит ближе. Непозволительно близко. Настолько, что я могу рассмотреть в его глазах серые вкрапления. Сейчас они напоминают штормовое небо.

Его руки ложатся на мою талию, сжимают. Сердце резко падает куда-то в район желудка и возвращается, колотясь о ребра с бешеной скоростью. Кладу ладони на его плечи и не могу отвести взгляда от этого красивого парня, имени которого я даже не знаю. Но даже если бы он его и сказал, то я бы все равно не запомнила.

Потому что в следующий миг он обрушивается на мои губы, как цунами, как десятибалльный шторм: резко, сильно и сметая все преграды на своем пути.

Парень по очереди сминает мои губы, слегка прикусывая и тут же зализывая место укуса. Его язык вторгается в мои приоткрытые губы и сразу же заигрывает с моим языком, отчего внизу живота все скручивается в тугой узел и хочется свести ноги вместе, чтобы унять неожиданно возникшую бешеную пульсацию.

– Останови меня, малышка, я сам уже не смогу... – хрипло шепчет в мои губы, блуждая руками по моему телу, поднимая волны неземного удовольствия.

– Нет... Не хочу, чтобы ты останавливался, – игриво закусываю нижнюю губу, привстаю на носочки, зажмуриваюсь и, собрав по крупичкам всю свою смелость, шепчу на ухо незнакомцу:

– Хочу, чтобы ты стал моим первым.

Я понятия не имею, откуда во мне это сумасшедшее желание! Сумасбродство! Я никогда не славилась совершенством глупых, иррациональных поступков. Всегда все тщательно взвешивала и долго принимала решение. А сейчас увидела незнакомца, его штормовые глаза и... поняла, что он *тот самый*. И глупо будет упустить такой шанс. Раз в жизни хочется совершить безбашенный, импульсивный поступок. Такой, о котором буду вспоминать всю жизнь. Я и вспоминаю. До сих пор.

Парень усмехается, в его глазах загорается темный огонь, и он тянет, неожиданно нежно проводя костяшками пальцев по щеке:

– А ты смелая. А с виду такой не кажешься. Уверена?

– Уверена.

Парень берет меня за руку и тянет в дом, сразу на второй этаж. Заводит в комнату и снова нетерпеливо целует, прижимая к себе. Я растворяюсь в чувствах и ощущениях, полностью отдавшись в сильные руки этого мужчины...

Утро встречает меня жестокой реальностью: я оказываюсь в комнате совершенно одна. И лишь смятая постель на второй половине кровати дает мне уверенности, что все произошедшее – не сон.

Я одеваюсь, спускаюсь вниз, где проснувшиеся гости потихоньку начинают собираться на завтрак. Вижу среди присутствующих Женю и подхожу к подруге.

– Доброе утро, Жень. Слушай, а ты не видела сегодня парня...ну, друга твоего брата.

– Луку? – на лице подруги явственно читается удивление, – Так он уехал еще на рассвете. Что, понравился, да? Хорош, ничего не скажешь. Жаль, что несвободен.

– Несвободен? – переспрашиваю, бледнея и чувствуя подступающую тошноту.

– Ага, у него в столице то ли девушка осталась, то ли невеста. ...

Женя говорит что-то еще, но я уже ее не слушаю, отходя в сторону к воротам. В голове шумит, руки трясутся, а на глаза наворачиваются непрошенные слезы. Да, мы ничего не обещали друг другу, но на душе стало мерзко от того, что он просто воспользовался мной, имея при этом постоянные отношения. Чувствую себя испачканной настолько, что хочется отмыться.

Луку я больше никогда не встречала, специально его не искала, даже несмотря на то, что через шесть недель увидела две яркие полосы на тесте на беременность.

Хорошо, что мама меня поддержала в тот момент. Как сейчас помню ее сильные объятия, когда я разревелась от страха и безысходности перед будущим, и уверенное:

– Ничего не хочу знать, Рада, ты будешь рожать. Я не так тебя воспитывала, чтобы ты убила своего ребенка. Да, будет сложно. Нам обеим. Но я сделаю все возможное и поддержу, как только могу. Но этот ребенок родится на свет.

И она сдержала свое слово. И даже ни разу не спросила, кто отец. И я только после ее смерти узнала, что мама настояла на рождении ребенка, потому что знала, что больна и скоро покинет меня. Поэтому она сделала все, чтобы я не осталась одна в этом мире.

И я всю жизнь буду ей за это благодарна.

Глава 7

Рада

Мне срочно нужна передышка. Немного личного пространства вдали от всех и офиса, чтобы привести скачущие мысли в порядок. Именно поэтому я отказываюсь от компании Лены в обед и иду в кофейню, что находится чуть дальше той, в которой мы привыкли обедать.

Располагаюсь за небольшим столиком у окна, делаю заказ и в ожидании его любуюсь тем, как люди на улице снуют туда-сюда, каждый спеша по своим делам. И только мне никуда не хочется торопиться. Потому что за пределами этой кофейни на меня снова свалится непонятное состояние здоровья Кнопки и ее внезапно объявившийся отец, а также измена Платона, с которой надо что-то делать. Как минимум, подать на развод. Потому что я определенно точно не смогу простить предательство и жить, как ни в чем не бывало с этим человеком.

– Рада? – раздается сбоку удивленный и смутно знакомый голос.

Оборачиваюсь и вижу перед собой девушку, которую, кажется, я где-то видела, но все никак не могу понять, где именно. Потому что незнакомка, стоящая передо мной, выглядит очень ухоженной и богато. Длинные волосы до пояса, высокая, с точеной фигурой, одетая в

брендовые вещи, с фарфоровой кожей и идеальным ярко-красным маникюром... Понятия не имею, где мы могли встречаться.

– Простите, мы знакомы? – осторожно интересуюсь, внимательно следя, как девушка движением головы откидывает волосы назад. Он кажется мне до боли знакомым, у меня даже в голове рождаются мысли о том, кто стоит передо мной, и они подтверждаются, стоит девушке притворно-сердито воскликнуть:

– Ольговская, ты совсем с ума сошла – не узнать школьную подругу?!

И тут на меня снисходит озарение. Есть только один человек на свете, который любит называть меня по фамилии больше, чем по имени.

– Алиса? Разумовская? – ошарашенно лепечу, вновь осматривая школьную подругу с ног до головы.

Она неузнаваемо изменилась. Нет, Алиса и в школе была красавицей, но... она была подростком, совсем юной. А сейчас же... утенок вырос в прекрасного лебедя. Подруга выглядит шикарной, неприступной, кажется, как будто она совсем из другого мира.

– Она самая. Только сейчас я не Разумовская, а Орлова, – гордо сообщает школьная подруга, ненавязчиво демонстрируя обручальное кольцо. – Можно присесть? Или ты хотела бы побыть одна?

– Конечно, можно, – кривлю душой, но, кто знает, может, отвлечься на разговор с подругой – лучший выход из ситуации?

Алиса присаживается напротив, и рядом с ней тут же нарисовывается официант. Усмехаюсь про себя: ничего не изменилось – Алиса была королевой в школе, всегда в центре внимания. Сейчас подруга продолжает вести себя, как королева этой жизни.

– Ну, рассказывай, – Алиса откидывается на спинку кресла, царственным жестом отпивая кофе.

– Что именно?

– Да все! С самого начала. Мы же с тобой сколько не виделись?

– Много. С самого выпускного.

– Тогда тебе есть, что рассказать! Мне все интересно знать! Ты как-то резко пропала...

– Да куда я не пропадала, – пожимаю плечами. На самом деле, было очевидно, что наши пути разойдутся: у нас с Алисой были абсолютно разные мечты и стремления. Она сама по себе амбициозна, идет напролом и мечтала о блистательной карьере. Я же хотела тихого, семейного уюта и детей. Жаль только, что моя жизнь сложилась немного не так, как мне хотелось бы, но в любом случае я ни о чем не жалею. – Поверь, в моей жизни нет ничего интересного и выдающегося. Так полстраны живет. Ты лучше о себе расскажи. Стала актрисой, как и хотела?

– Не совсем. Я – модель, демонстрирую ювелирные украшения. И, кстати, довольно известна в определенных кругах не только в России, но и за рубежом. Ты что, никогда не видела постеры с моими фото или фотосессии в журналах?! – и произнесено это таким тоном, словно это какой-то моветон – не знать, что Алиса Разумовская, а ныне Орлова – известная модель. В этом вся моя школьная подруга.

– Нет, не видела. Говорю же, у меня скучная и однообразная жизнь. Обычная. Я всего лишь начальник рекламного отдела в одной компании. И я не покупаю ювелирные украшения каждый день.

На самом деле разговор начинает меня раздражать. Складывается впечатление, что Алиса села для того, чтобы похвастаться своими жизненными достижениями и ткнуть носом меня в то, что я хуже нее. Обычная. Для моей подруги это всегда было страшным преступлением – быть, как все.

– Извини, не обижайся. Я просто думала, вдруг ты общаешься с кем-нибудь из наших одноклассников. Знаю, что многие слышали обо мне... – Алиса неожиданно снижает обороты

и даже извиняется, чем очень удивляет меня. А подружка-то повзрослела. Потому что для нее в школьные годы были незнакомы слова «прости и извини».

– Только с Платоном, – при упоминании имени почти бывшего мужа хочется скривиться, но я сдерживаюсь. – А с остальными, к сожалению, нет – времени не хватает.

Алиса неожиданно бросает взгляд на мою правую руку, где на безымянном пальце красуется след от обручального кольца. Я сняла его в ту же минуту, как Платон ушел из моей квартиры. Вот только не помню, куда его закинула.

– Ты тоже замужем? – спрашивает так, как будто узнала что-то невероятное.

– Да, а тебя это удивляет? – не сдерживаюсь от сарказма.

– Нет, просто... в школе ты была такой серьезной... Я не думала, что ты выйдешь замуж так... быстро.

– Так сложилось. Еще в институте вышла замуж. За Платона, – добавляю, видя, как округляются в удивлении глаза подружки. Не вижу смысла скрывать: Алиса, если захочет, раскопает всю мою подноготную. В этом вся суть моей одноклассницы.

– За Платона?! Того самого? Нашего одноклассника! Ну, ты Ольговская, даешь!

– Вообще-то я тоже теперь не Ольговская, а Львова, – сама не знаю, зачем поправляю. Потому что это временно – решила вернуть свою девичью фамилию. Не хочу, чтобы меня что-то связывало с предателем.

– Вот это да! Никогда бы не подумала, что вы поженитесь! Вы же терпеть не могли друг друга!

– От любви до ненависти..., – развожу руками, грустно улыбаясь.

– Ну, а дети? Уже успели стать счастливыми родителями? – живо интересуется Алиса, глядя на меня с глубоким интересом.

Не ожидая такого вопроса, мгновенно понижаю, и улыбка сползает с лица. Перевожу взгляд в окно и снова смотрю на снующих туда-сюда людей, спешащих по своим делам. Все, что угодно, только бы скрыть ту боль в душе и непрошенные слезы.

– Извини, я наверно задала бестактный вопрос, – растерянно бормочет Алиса. – Я не хотела тебя обидеть...

Но неожиданно для самой себя я рассказываю школьной подруге все: и про бесконечные попытки, и постоянные хождения по врачам, о моем приговоре, об измене Платона...

Я не знаю, почему я выкладываю о своей проблеме постороннему, по сути, человеку. Наверно, потому, что постороннему выговориться проще, чем близким. Признаться в собственной неполноценности и ущербности...

– Вот такая вот невеселая история...

– Даааа, подруга, грустно это все. Но не поверишь, у меня ситуация не лучше в этом вопросе, – неожиданно признается Алиса, отпивая кофе.

– То есть? Ты тоже не можешь забеременеть? – удивленно хлопаю глазами. А со стороны кажется, что как раз-таки Алиса не обременена ничем: у нее прекрасная жизнь без каких бы то ни было проблем. Кажется, она может купить все, что пожелает. Даже ребенка.

– Да. Также пытаемся уже несколько лет, но я не могу, – грустно заявляет Алиса, подпирая голову рукой.

– Мне очень жаль. Понимаю, как никто другой...

– Сама виновата. Дурой потому что была. На первом курсе по пьяни лишилась девственности, залетела. Но не собиралась сохранять ребенка. Думала, что потом, что успеется. В другой раз. Тем более, у меня ни квартиры, ни машины, ни образования, ни, самое главное – карьеры. И я сделала аборт. Только мне не повезло с врачом. И сейчас, сколько бы клиник мы с мужем не обошли, сколько не пытались, врачи твердят в один голос – вы никогда не сможете иметь детей. Даже через ЭКО.

Над столиком повисает тяжелая, гнетущая тишина. У меня на глаза наворачиваются слезы, потому что я чувствую боль Алисы, как свою. Потому что я знаю, каково это, когда тебе выносят приговор без права на обжалование. Без права на чудо. И, если у меня есть призрачный шанс, что я когда-нибудь смогу иметь детей хотя бы через ЭКО, то у Алисы нет и этого.

Мне настолько больно за нее, что хочется обнять и прижать, забрать часть ее боли себе.

– Мне очень жаль, Алиса... И что, нет ни единого крохотного шанса?

– Мы с мужем были в клинике в Швейцарии. Все твердят, что там рождается чудо. Что медики творят чудеса. Что они – боги. Но и эти боги вынесли мне неутешительный приговор – бесплодие вследствие раннего аборта...

– Может, вам взять малыша из дома малютки? – произношу, украдкой вытирая слезы.

– Исключено. В этом вопросе у меня жесткая позиция: я хочу иметь только своего кровного ребенка, – жестко и безапелляционно отрезает Алиса.

– И что вы думаете делать? – осторожно интересуюсь. – Жить для себя?

– Нет. Есть один – единственный выход. Суррогатное материнство.

И почему-то Алиса внимательно и пронзительно смотрит на меня.

– И... что по этому поводу думает твой муж? – пытаюсь хоть чем-то заполнить возникшую паузу.

– Он считает, что можно попробовать. Но есть слишком много подводных камней. В первую очередь, сложно найти порядочную и здоровую суррогатную мать, – вздыхает тяжело Алиса, раздраженно ставя чашку с давно остывшим кофе на блюдце.

– Согласна. Для нашей страны суррогатное материнство вообще темный лес. И как ваши поиски? – осторожно интересуюсь, потому что вижу, что эта тема для подружки тоже очень болезненна.

– Да никак. Все не подходят. То здоровье так себе, то пятеро детей и муж – алкоголик, которого каким-то чудом удалось скрыть от комиссии, то вообще к беременности халатно относится... Не могу я доверить таким нашего долгожданного ребенка, понимаешь?! Не могу! Страшно довериться, надеяться, ждать, а потом резко обломаться. Очень страшно, когда рушатся мечты...

Да уж. Это я знаю, как никто другой. Не понаслышке.

– Ну, ладно, не будем о грустном, – резко хлопнув по столу рукой, восклицает Алиса, натянуто улыбаясь. – Давай сменим тему...

Но на что именно, я так и не узнаю, потому что нас прерывает звонок телефона подружки.

– Да, дорогой, – ее лицо тут же озаряет широкая радостная улыбка. – А почему задержишься? – она надувает губки и тут же вся разом поникает. – Я понимаю, да... Ну, что ж... Да?! Правда? Хорошо, тогда я буду ждать!

Алиса быстро нажимает на клавишу отбоя и смотрит на меня, извиняясь.

– Прости, мне нужно бежать. Муж позвонил, сказал, что приглашает вечером на свидание... А мы в последнее время...

– Не извиняйся, – останавливаю подружку, давая понять, что все в порядке. – Я все понимаю. Тем более, что мне самой уже давно пора.

– Вот мой номер телефона, – Алиса достает визитку и протягивает ее мне. – Давай созвонимся и как-нибудь встретимся на днях? Посидим, поговорим по душам? Мне так этого не хватает...

– Как-нибудь созвонимся, – отвечаю с вежливой улыбкой, не думая, что это когда-нибудь произойдет.

Мы обнимаемся на прощание, и подружка убегает. Я выхожу из кофейни вскоре за ней и быстрым шагом возвращаюсь в офис, рассуждая о том, что только что узнала.

Какой же все-таки может быть жизнь у двух абсолютно разных людей! Мы из разных миров, это факт, но проблема у нас одна на двоих. И, к сожалению, Алисе не помогут даже ее

баснословные счета в банке. Нам обеим, кажется, не суждено иметь детей... Все – таки не зря говорят, что богатые тоже плачут...

Могла ли я подумать в этот момент, что встречу подругу снова и при очень щекотливых обстоятельствах? Определенно нет.

Глава 8

Рада

Когда я появляюсь в офисе после обеда, Луки уже нет, и Люда сообщает по секрету, что до конца рабочего дня босс больше не появится. Мы всем коллективом дружно выдыхаем, и в спокойной обстановке дорабатываем.

Откровенно говоря, у меня получается плохо, потому что все мои мысли заняты размышлениями, как себя вести, если Платон окажется дома. Что говорить? И вообще стоит ли реагировать как-то на его присутствие?

После работы забегаю в садик за Кнопкой, и мы не спеша идем домой, болтая обо всем на свете. Мысли о Платоне отходят на второй план: моя Олюшка снова вялая и сонливая, хотя старается бодриться. Скорее дожидаться бы результатов анализов...

Едва открываю дверь, чувствую пустоту. Я даже заходить не хочу в спальню, потому что кожей чувствую, что ничего хорошего меня там не ждет.

– Мам, ты чего встала? Пошли, я кушать хочу, – Кнопка тянет меня за рукав пиджака, и я стряхиваю с себя апатию. Я не имею права раскисать, у меня есть Кнопка! Я должна быть сильной ради нее!

В спальне ожидаемо меня ждет настель распехнутый шкаф и полное отсутствие вещей Платона. Он ушел от меня. Как и обещал. И лишь сиротливо валяющаяся запонка на полу, которые я дарила ему на день рождения в прошлом году, напоминает о том, что у меня вообще был муж.

– Мам, – Олюшка обнимает меня за колени и проникновенно смотрит в глаза снизу вверх. – Не плачь, мамочка, пожалуйста. Дядя Платон – плохой! Он кричал и ругался на тебя! Хорошо, что он ушел! Я очень рада! Ты у меня самая лучшая мамочка на свете! Я тебя очень люблю!

Опускаюсь на колени перед малышкой, крепко прижимая к себе маленькое и худенькое тельце дочери. Зарываюсь лицом в сладко пахнущую макушку и дышу неповторимым запахом детства.

– И я тебя очень люблю, Кнопка. Хорошо, что ты у меня есть!

Мы ужинаем, болтая обо всем на свете, весь вечер я провожу с малышкой, и засыпаем мы, как раньше бывало: вдвоем в обнимку.

Следующий день не задается с самого утра: проспала, еле подняла Кнопку в садик, пролила на любимую юбку кофе, и пришлось переодеваться в более короткую, и, как следствие, опоздала.

– Львова, где тебя носит?! – шипит фурией Людочка, подлавливая меня у лифта.

– Прости, опоздала, проспала, пока ребенка в садик отвела, пробки...

– Это ты будешь объяснять не мне, а новому боссу!

Останавливаюсь, как вкопанная, в ужасе глядя на секретаршу генерального. Сердце проваливается в пятки, сбиваясь с ритма.

– Он меня искал, да?!

– Он всех искал. Сегодня с утра первая «летучка» под его руководством! – Люда толкает меня в спину в сторону конференц-зала. – Да иди же ты, если вообще хочешь остаться на должности!

Я стону в голос, едва не плача. Ну, как?! Как я могла забыть о собрании?! Мне конец...

Я осторожно открываю дверь и стараюсь незаметно просочиться в зал, пока финдиректор докладывает о прибыли за предыдущий квартал.

– Я очень рад, Рада Алексеевна, что вы почтили нас своим присутствием, – раздаётся громогласное, насмешливое и злое на весь зал.

В помещении воцаряется идеальная тишина, и взгляды всех присутствующих устремлены на меня. Но каждой клеточкой кожи я ощущаю один-единственный.

Луки. Своего босса. Надо отметить, злого босса.

Даже со своего места я вижу, что его серые глаза потемнели и мечут молнии. Он взглядом буквально ощупывает меня, задерживаясь на бедрах, проходясь по груди и цепляясь за губы. Это выглядит так... грязно, пошло, что я вспыхиваю, как спичка, и сжимаю пальцы в кулаки, вонзаясь ногтями в кожу. Не могу же закатить скандал при коллегах!

– Извините, Борис Геннадьевич, что прерываю, продолжим в другой раз. Все свободны. А вы, Рада Алексеевна, задержитесь.

Коллеги, тихо перешептываясь и кидая на меня любопытные взгляды, быстро покидают помещение. Мы с Лукой остаемся один на один, и воздух в конференц-зале мигом наэлектризовывается. Я ощущаю напряжение, витающее в воздухе, и становится сложно дышать.

– Подойдите, Рада Алексеевна, – бросает властно босс, расслабленно откидываясь на спинку кресла. Он буквально просверливает меня взглядом. И в нем столько всего намешано, что я даже теряюсь на миг: злость, презрение и даже отвращение. Удивительные эмоции, учитывая, что мы видимся всего второй раз в жизни!

Медленно бреду к столу босса под внимательным взглядом Луки. Он склоняет голову на бок и блуждает по моей фигуре, рассматривая меня, как ленивый хищник.

У меня есть возможность разглядеть Луку получше. Он определённо изменился за эти годы: стал мужественным, раздался в плечах, повзрослел. Это больше не тот парень, которого я встретила на дне рождения. Сейчас передо мной взрослый мужчина с цепким взглядом, хваткой хищника. И широким ободком обручального кольца на пальце правой руки.

С тоской и горечью в голове проносится мысль, что, наверно, и дети у Луки есть. Не могут не быть. Такому мужчине, как мой босс, хочется подарить ребенка. И не одного.

А ещё мне до дрожи хочется, чтобы у моей Кнопки был именно такой отец: сильный защитник, её опора и надежда, первый заботливый и самый важный мужчина в ее жизни. Она в нем остро нуждается.

– Как вы это объясните? Почему я, не успев заступить на должность, должен ковыряться в этом...?!

Босс покручивает карандаш и пытается казаться ленивым и расслабленным. Но по его позе, по тому, как он сильнее сжимает несчастное дерево, понимаю, что Лука зол и напряжен. А еще то, что эти эмоции почему-то обращены на меня. Неужели это только из-за опоздания?!

Пробегаю глазами по написанному на листе и едва сдерживаюсь, чтобы не взорваться от ярости. Рита красочно описывает, как я издеваюсь над беременной сотрудницей и довела ее до больничного и угрозы выкидыша, а теперь требует моего отстранения от руководства!

Дойдя до конечной строчки, я буквально задыхаюсь от кипящего внутри вулкана. Мало того, что эта нахалка увела у меня мужа, без зазрения совести встречаясь с ним в нашей супружеской кровати, а теперь еще пытается лишить меня должности?! Так вообще бывает?! Это за гранью моего понимания!

– Я могу объяснить...

– Меня не интересуют подробности, – холодно чеканит босс, резко подаваясь вперед. Карандаш жалобно хрустит в его пальцах, заставляя меня вздрогнуть. А еще от его последующих слов. – Я так понимаю, вам не привыкать плести интриги, Рада Алексеевна?

Глава 9

Лука

Я узнал ее. С первого взгляда. Потому что она ни хрена не изменилась за эти... сколько лет прошло? Семь? Примерно так. Она все та же, только вот стала более женственная, притягательная и... желанная.

Зараза! А я не должен ее хотеть! Не после того, что она выкинула семь лет назад! И хотя бы потому, что я женат.

А как вошла в зал: гордо расправив плечи, окатила меня взглядом, полным презрения и злости. Как будто это я, а не она семь лет назад проехала катком по моей гордости! Вот ведь су**а! Рада умела себя подать семь лет назад, а с годами это умение, похоже, стало совершенным.

Я помню ее имя. Помню, как она красиво и мелодично стонет. Как отдается полностью, без остатка, растворяясь в чувствах. Искренняя, отзывчивая, чувственная. Как краснела. смущалась, когда «подарила» мне себя. Наверно, хотела, чтобы я запомнил ее. Расчет девчонки оказался верен. Мужчины действительно не забывают тех, у кого были первыми. Особенно, если это было подано так красиво.

По промелькнувшему испугу в ее глазах вижу, что она меня узнала. Вот только этот факт старательно прячет, продолжая делать вид, что мы не знакомы и строго соблюдая дистанцию «босс-подчиненная».

Какую игру ты затеяла, девочка? Уверена, что твоя партия в шахматы не обернется позже партией в покер? С заранее проигрышными картами...

Рада направляется к моему столу, гордо расправив плечи и опалая меня взглядом разъяренной волчицы, как будто проклиная до седьмого колена. Сразу же вспоминается, что в первую встречу эта красотка смотрела на меня соooooовсем по-другому...

Семь лет назад

Я не собирался идти на день рождения сестренки лучшего друга. Что я там забыл?! Пить компотик в окружении малолеток? Но Вася умеет уговаривать, и вот я прусь на «детскую» вечеринку с веником подмышкой.

Вот только празднику можно смело ставить плашку «восемнадцать плюс»...

– Сколько, говоришь, твоей сестренке лет? – тяну, рассматривая очередную куколку в умопомрачительном мини. Их тут целый вагон, на любой вкус: блондинки, рыженькие, жгучие брюнетки... Женя, кажется, пригласила весь поток первого курса.

– Даже не вздумай смотреть в ее сторону! – пихает меня в бок друг. – За Женьку порву, ты меня знаешь!

– И не думал даже, – рассеянно отвечаю, не сводя глаз с одного невинного ангелочка, что скромно стоит на веранде и, кажется, грустит. Она так соблазнительно закусывает губку, что единственное желание, которое остается и сжигает меня изнутри – ощутить вкус этих одновременно порочных и привлекательных губ. – Просто хочу быть уверен, что мне не светит наказание за соращение малолетних.

Вася ржет, хлопая меня по плечу.

– Что, решил оттачивать свое мастерство соблазнения на невинных девах?

– Может быть, может быть...

А ноги сами меня уже несут к невинному ангелочку. Во всех смыслах этого слова.

Когда Рада дарит мне себя, признавшись, что хочет, чтобы я был ее первым, мне срывает крышу окончательно. Я не могу больше ждать ни минуты. Хочу обладать ею. Сделать своей. Быть единственным. Показать те грани удовольствия, о которых эта малышка даже не предполагает...

У меня было много девушек, буду честным. Но ни с одной из них не было такой горячей ночи, как с Радой. Открытая, честная в своих эмоциях и желаниях, смелая... Ни одна из элитных девочек даже рядом не стояла с этой малышкой. Моя Рада – уникальная. Единственная на миллион. И моя.

Но, как оказалось, ни черта.

Утром, несмотря на то, что я спал от силы несколько часов, проснулся воодушевленным и отдохнувшим. Я смотрю на малышку, что спит, чему-то улыбаясь во сне и так трогательно прижимаясь ко мне. Такая ласковая, нежная кошечка...

Ловлю себя на мысли, что влюбился, как пацан сопливый. С первого, блин, взгляда! И хочется сделать эту малышку безумно счастливой...

Осторожно, стараясь не разбудить Раду, поднимаюсь с постели и спускаюсь вниз, намереваясь приготовить моему ангелочку завтрак в постель. Хочу покорить ее не только в сексе, но и в других мелочах.

Но кухня оказывается уже занята Васей и Женей.

– Что, не спится? – усмехается сестренка друга, плотоядно рассматривая меня и не скрывая своих намерений. – Жаркая ночь выдалась?

Усмехаюсь, смотря на жалкие попытки девчонки меня соблазнить.

– Напомни, кто тебе дал право лезть в мою личную жизнь, м?

– Эй, полегче, – вскипает Вася, – ты так-то с моей сестренкой говоришь!

Вскидываю руки вверх в примирительном жесте и отворачиваюсь к холодильнику, чтобы не сболтнуть лишнего. Мне никогда не нравилась Женя – наглая стерва, которая пытается казаться милой зайкой, но истинная сущность всегда лезет наружу.

– Вообще-то я тебя предупредить хотела, чтобы потом для тебя, Лука, не было никаких неожиданностей, но раз ты так враждебно настроен...

Малая рассчитала все до мелочей верно – я тут же попадаюсь на крючок.

– Ты о чем?

– О Раде, – невинно улыбается. А я заметно напрягаюсь. Закрываю давно пищавший холодильник и складываю руки на груди, всем своим видом показывая, что слушаю внимательно.

– Мне очень неудобно говорить о таких вещах, – на этих словах Вася опускает глаза в кружку, как будто пытается найти истину на дне стакана, и это сейчас – самое важное занятие.

– Ближе к сути.

– Рада тебя использовала.

Внутри неприятно полоснуло от этих слов. Тут же перед глазами встает образ малышки: невинный и такой нежный. И вдруг использовала? Это скорее удел Женечки.

– И каким образом?

– Она поспорила с подругой, что переспит с тобой. Ей очень нравится один парень, и он даже предлагает ей встречаться, но есть одна проблема – он терпеть не может девственниц. А Радка наша – девочка-девочка, и не предвиделось никаких шансов на то, что эта деликатная проблема разрешится. Она даже к Ваське вон подкатывала...

Перевожу взгляд на друга.

– А я что? – оправдывается он, разводя руками в стороны, – я ничего. Тоже к невинным девочкам не очень. Да у меня, сам знаешь, Ленка есть. Все устраивает.

Меня как в дерьмо с головой окунули, и я им захлебнулся. Хочется помыться. Только вот отмоюсь ли?

Охренеть! Меня, опытного мужика, как лоха развела сопливая девчонка! Ох-ре-не-ть!

Конечно, сомнения еще как гложут меня, все же Женечка – та еще стерва, но все они испаряются одним махом, когда на кухню входит еще одна девушка.

– Жень, не знаешь, получилось все у Радки? А то я вчера на пять штук поспорила с Машкой, мне прям любопытно, кто выиграл.

Женечка выразительно глазами указывает на меня, девчонка поворачивается и прикрывает рот ладошкой.

– Ой, простите...

А у меня сил нет терпеть весь этот цирк. Стараясь держать себя в руках, иду в прихожую, хватаю куртку и нахрен сваливаю из дома. Не поднимаюсь вверх. Потому что боюсь, что не смогу себя контролировать и по полной спущу с соплячки. Да вот только мारаться не хочется...

Я бы не поверил Жене, но ее слова подтвердили и лучший друг, и совершенно посторонняя девушка...

Конечно, я мог бы разобраться в этом дерьме, но уже этим же вечером меня вызвали в столицу – у отца случился инфаркт, и мне пришлось временно встать у руля его компании... Столько всего навалилось, что долго еще не было времени и сил на баб.

А потом я встретил Алису. Она подошла по всем моим требованиям, и я понял, что можно попробовать построить семью. Да и пора бы. В бизнесе это огромный плюс.

Воспоминания вихрем проносятся в моей голове, всколыхнув со дна самые темные мои чувства. И злой вопрос с подтекстом вырывается прежде, чем я успеваю его обдумать:

– Я так понимаю, вам не привыкать плести интриги, Рада Алексеевна?

Глава 10

Рада

– Что вы имеете в виду? – растерянно хлопаю глазами, глядя в глаза босса, которые затягивает пелена ярости. Словно я действительно в чем-то виновата перед ним!

Лука прищуривается и лениво оглядывает меня с головы до ног. Дерзко. Нагло. Горячо. Задерживаясь на отдельных частях тела и задумчиво рассматривая, как будто... вспоминает!

Босс резко переводит взгляд на мое лицо, и я невольно отшатываюсь. Он вспомнил! Черт, возьми, я уверена, что он вспомнил меня! И нашу совместную горячую ночь!

Вот только... я не понимаю его отношения и поведения! Ведь я не сделала ему ничего плохого! Это он оставил меня одну, не объяснив, что произошло, и что я сделала не так.

– Рада Алексеевна, вы прекрасно понимаете, о чем я, не стоит строить из себя наивную дурочку! – Лука неожиданно подается вперед и меняется на глазах, превращаясь из ленивого, в опасного и злого хищника. – Я хочу, чтобы приобретенная мной кампания работала, как часы. Чтобы каждый выполнял свою работу от и до! И не собираюсь тратить свое время на бабские разборки! Если вы не в состоянии отладить работу в собственном отделе, то мне придется вас сменить!

Его слова имеют эффект сдетонировавшей бомбы. Миг, все взрывается в голове, и вот я уже в два шага подхожу к столу, опираюсь ладонями и резко наклоняюсь к боссу, рвякая:

– Вы совершенно правы, Лука Георгиевич! Каждый должен выполнять свою работу, эффективно распределяя рабочее время! И работа в моем отделе как раз-таки была отлажена до недавнего времени! Я лично контролирую каждый процесс и каждого сотрудника. У каждого строго свои отведенные обязанности, и моя схема была очень успешна ровно до тех пор, пока эта самая Рита, – хватаю заявление, комкаю в ладони и швыряю им в босса, – не решила, что приударить за моим мужем и залететь от него – отличная идея! А теперь еще и пытается от меня избавиться! Наверно, мечтает сесть в мое кресло до декрета, чтобы после выхода из него вернуться в хорошую и стабильную компанию, да еще и на приличный оклад! Что говорите, сменить меня хотите? Ради Бога! Тем более, вот и кандидатура уже есть!

Я выпаливаю свою пламенную речь на одном дыхании и смотрю прямо в глаза боссу. Если он после этих слов и дерзкого поступка решит меня уволить – плевать! Слишком много всего навалилось в последние дни! Моя психика не железная, и я не должна терпеть издевательств ни от Луки, ни тем более, предательницы Риты, которая еще посмела меня оклеветать!

Но босс неожиданно меня удивляет. Спокойно берет заявление Риты, комкает у меня его на глазах до размера шарика и, не глядя, швыряет в урну. Хочет произнести что-то еще, но его

прерывает телефонный звонок. Отбивает вызов, даже не посмотрев на дисплей, но телефон упрямо звонит снова.

Лука бросает смазанный взгляд, морщится, но все же отвечает. А у меня есть время на передышку и привести свои чувства в равновесие.

– Что-то срочное? Я занят.

Слышу, как в динамике женский голос что-то быстро, нервно и сбивчиво тараторит. Судя по скривившемуся лицу, Луке не очень нравится предмет разговора.

– Обязательно это обсуждать сейчас? До вечера не терпит?! Я же сказал, что занят! – Лука повышает голос, и я отступаю на шаг назад.

Босс замечает мое нервное движение, и раздраженно машет рукой на дверь.

– Идите, Рада Алексеевна, – его голос негромкий, но твердый, а глаза цвета штормового неба обжигающие, бесстыжие. Очень странные ощущения: Лука ничего не делает, не говорит ничего особенного, но пробуждает во мне все низменные желания. – Я решу ваш вопрос.

Коротко кивнув, шокированная его словами, выхожу из зала и иду к себе в кабинет. Все-таки как приятно от мужчины услышать именно это! Почувствовать себя под защитой, слабой женщиной!

В кабинете, пробубнив нечто непонятное Лене, приступаю к работе и ухожу в нее с головой почти до обеда. Пока не раздастся звонок с незнакомого телефонного номера.

– Алло, Рада! – на том конце провода незнакомая девушка едва не плачет.

– Простите, кто это?

– Ты что не узнала меня?! – нервно и визгливо, что я даже отодвигаю трубку от уха. – Это Алиса.

Растерянно моргаю несколько секунд, и только потом до меня доходит, кто звонит.

– Здравствуй, Алиса. Извини, у меня нет твоего номера.

– Ничего страшного. Рада, у меня большая проблема. И мне нужна твоя помощь.

– Но... чем я могу тебе помочь?!

– Это не телефонный разговор. Мы можем встретиться?

Я хмурюсь, закусывая губу. Откровенно говоря, я не хочу видеться с бывшей одноклассницей и, более того, чем-то ей помогать. Мы из разных слоев, чем я могу ей помочь?! Женщине, у которой все есть, а если чего и нет, она запросто может себе позволить это купить!

– Пожалуйста, Рада, мне, правда, очень надо! Вопрос жизни и смерти! И только ты мне можешь помочь!

В это верится с трудом, но я все же вздыхаю.

– Хорошо. У меня обед через полчаса, я могу подойти к кофейне возле офиса. Помнишь, где мы встретились?

– Да-да-да! Я буду! Спасибо тебе!

Алиса приезжает даже раньше меня. Когда я вхожу в кофейню, она уже ждет меня за столиком, нервно сминая салфетку в руках. Машет рукой, едва меня завидев.

– Тебе что-нибудь заказать? Извини, я не знаю твоих вкусов, поэтому не стала делать заказ заранее.

Я прекрасно знаю ассортимент заведения, поэтому уверенно озвучиваю заказ подошедшему официанту.

– Рассказывай, что случилось? Только давай коротко и по делу, сама понимаешь, обед у меня короткий.

Алиса мнется, то сгибает и разгибает пальцы, то заламывает их, что на нее совсем не похоже.

– Алиса!

– Да, извини. Да. В общем, мне кажется, мой муж завел любовницу, – хнычет бывшая одноклассница, не поднимая головы.

Вот это поворот. Неожиданно.

– Кажется или завел? – выгибаю вопросительно бровь.

– Понимаешь, он очень изменился в последнее время: мы почти не разговариваем, он все время какой-то дерганный, нервный, постоянные разговоры за закрытой дверью кабинета, хотя раньше он всегда при мне говорил даже по рабочим вопросам! А когда я пытаюсь завести с ним разговор, то он срывается на мне и рычит! – Алиса роняет лицо в ладони и, кажется, плачет. – У него точно кто-то есть!

– Послушай, я, конечно, не специалист в этих делах, ты это прекрасно знаешь, но, мне кажется, у твоего мужа вполне могут быть проблемы в бизнесе...

– Нет, он изменился, понимаешь?! Я чувствую это! А моя интуиция никогда не врет! А еще...а еще у нас очень давно не было близости. В последнее время муж все чаще ночует в кабинете...Я чувствую, что теряю его, Рада, мне страшно, – Алиса всхлипывает, и я хмурюсь. Только истерики мне сегодня не хватало для полного счастья!

– Хорошо, допустим, ты права. А от меня ты чего хочешь?

– Ты должна мне помочь!

– Каким образом?

– Я хочу, чтобы ты стала суррогатной мамой нашим с мужем детям.

Глава 11

Рада

Я ошарашенно смотрю на одноклассницу. У меня пропадает дар речи, и некоторое время я могу только открывать и закрывать рот.

– Прости, что ты сказала?

Алиса раздраженно поджимает губы, но все же снисходительно повторяет:

– Я хочу, чтобы именно ты родила нам с мужем нашего ребенка.

– Вот это поворот...Может, объяснишь про связь мужа, ребенка и меня? А то я знаю отдельные факты, но вот в полную картинку они не складываются...

– Мы с мужем достаточно долго в браке. И он стал от меня отдаляться: постоянно задерживается, раздраженный, мне внимания не уделяет. Про интим уже говорила...Наш брак на грани развала. А я не могу этого допустить! Нам надо выйти на новый уровень. И ребенок в этом поможет нам.

Я кривлюсь, как будто съела лимон. Ребенок как средство достижения цели...Больно же тебе будет разочаровываться в своих взглядах, Алиса...

– Я не могу никому доверять, – тем временем продолжает тараторить «подруга», не обращая на меня никакого внимания. – Как представляю, что нашего малыша будет вынашивать непонятно кто: без образования, с дурным музыкальным вкусом, какая-нибудь...деревенщина, с проблемами со здоровьем, мне становится дурно. Представляешь, какой ребенок после этого родится?!

– При чем тут образование и музыкальный вкус?

– Ну, как причем, Рада! Ты как из леса! Малыш все впитывает в утробе матери, – начинает Алиса менторским тоном, вздернув подбородок. – И то, что она ест, смотрит, слушает, видит...Представь, какие вкусы у него сформируются, если будущая мамочка будет смотреть «Камелди клаб», жуя чебурек?!

У меня медленно отползает челюсть вниз, а брови взмывают вверх. Скажите, что это дурная шутка?! Что сейчас Алиса говорит все это несерьезно?!

Но нет. Она продолжает вещать, не обращая внимания ни на кого и ни на что вокруг. Просто потому, что ей это взбрело в голову. И потому, что убеждена в собственной правоте.

– Но судьба мне подарила встречу с тобой! У тебя высшее образование, ты умеешь отличить Айвазовского от Моне, помню, был замечательный музыкальный вкус. У тебя уже есть дочь, а, значит, ты знаешь, как правильно вынашивать ребенка! Да, есть некоторые проблемы

со здоровьем, но ты сама сказала, что с помощью ЭКО есть шансы. Я определяю тебя в лучшую клинику, и у нас обязательно все получится! Деньгами не обижу, я готова платить вдвое больше, чем предлагают в клиниках по программе суррогатного материнства. Я не вижу поводов для отказа, Рада! Ну, так что? Ты согласна?!

Я закашливаюсь, сбита наповал напором Алисы. А также ее непробиваемостью. Она же не видит и не слышит других! Но я все же попытаюсь.

– То есть, ты считаешь, что ребенок – это отличная возможность склеить вашу разваливающуюся семью? – я начинаю осторожно, издали. Отпиваю немного кофе и внимательно слежу за реакцией Орловой.

Она не заставляет себя ждать. Закатывает глаза и с раздражением выдает:

– Именно это я и пытаюсь тебе объяснить! У мужа просто резко поменяется фокус, тем более, он давно хотел ребенка! Он сразу же бросит свою курицу и вернется в семью. И все у нас будет как прежде!

– Не будет, – отрезаю резко, швыряя раздраженно вилку на стол и не обращая внимания на недовольство «подруги». – С рождением ребенка как прежде уже никогда не будет. Маленький – это прежде всего человек. Со своим характером, потребностями, интересами. Это личность. И первое время ты должна будешь служить этой личности двадцать четыре на семь. Без права на отпуск, отгулы и прочее. Вы – одно целое. Это маленький человечек, который нуждается в твоей ласке, любви и заботе. Вы первые года три – единое целое. Ребенок на всю жизнь – часть тебя. И с его рождением никогда не станет как прежде. Подумай, готова ли ты, Алиса, отказаться ради всего, пожертвовать свободой, своей жизнью ради служения другому человеку. Стоит ли оно всего этого?

– Ты говоришь какие-то глупости, Рада! У тебя какие-то архаичные взгляды! Сейчас есть много агентств, которые занимаются развитием детей, составляют индивидуальные планы, есть няни, которые возьмут на себя организацию быта и прочего. Можно жить легко и просто и при наличии ребенка, если есть деньги. А у меня деньги есть. Стоит ли оно того? Конечно, если это поможет мне вернуть мужа в семью, тем более, он всегда хотел много детей...

– Да что ты заладила: он хотел, он хотел, – взрываюсь, окончательно теряя терпение. – А чего хочешь *ты*? Ведь, прежде всего, это твой ребенок! Мама всегда важнее.

– Конечно, я тоже хочу этого малыша. Хочу быть счастливой, и чтобы у нас была полноценная семья.

– Нет, Алиса, ты меня не слышишь. Ребенок для тебя – средство достижения цели. Способ удержать, а, возможно, и шантажировать мужа, чтобы он был с тобой в браке. И ты предлагаешь мне пойти на это? Выносить и родить ребенка, которого заведомо не любит родная мама?!

Алиса злится. Маска дружелюбия слетает, и она показывает истинное лицо самой настоящей стервы.

– Я не просила проводить мне сеанс психоанализа. Для этого у меня есть специально обученные люди, которым я плачу очень хорошие деньги. Я лишь предложила тебе работу: выносить и родить мне ребенка. Для чего, зачем и почему – не твоего ума дело. Ты даешь мне в аренду свою матку на девять месяцев, я щедро вознаграждаю твои страдания и медицинское обслуживание. Все. Рассуждать и читать морали будешь в другом месте. У тебя есть дочь для этого. И не тебе меня учить, как удержать мужа. Кажется, твой как раз-таки ушел от тебя к любовнице, м?

Алиса совершенно не изменилась. Она знает, куда бить. Прицельно и по самым больным местам. Потому что я задела ее за живое, да еще посмела пойти поперек ее слова. Не продавалась сразу же, и поэтому Алиса решила поступить так, как поступала в школе: уничтожить и растоптать морально.

Я гордо выпрямляю спину, стараясь держать эмоции в узде. Поднимаюсь со своего места, глядя на нее сверху вниз.

– Извини, мне пора. В твоей афере я участвовать не буду. Вовек потом не отмоюсь. Всего доброго, Алиса, и удачи в поисках новой мамы.

Я выхожу, оглушенная вываленной на меня информацией. Настолько сильно, что даже не слышу и не могу разобрать, что эта звезда кричит мне вслед на всю кофейню.

Я поступила правильно. Моя совесть спокойна. Я не собираюсь участвовать в этом безобразии, чтобы помочь появиться на свет ребенку, которого заведомо не любят. Дети должны рождаться в любви, в семье, а не ради семьи. Алиса любыми путями достигнет цели, я уверена. С ее-то напором и финансами. Но не с моей помощью.

Но один звонок и важный разговор заставляют меня изменить свое решение...

Глава 12

Рада

Даже пешая прогулка обратно до офиса не может мне помочь успокоиться. Я вся киплю от праведного гнева, когда подхожу к стеклянным дверям офиса. Уже вхожу в холл, но меня останавливает звонок на мобильный с незнакомого номера.

– Рада Алексеевна, добрый день, удобно говорить?

– Да, слушаю вас. Кто это?

– Это врач из клиники. Вы на днях приезжали и сдавали анализы с вашей дочерью Ольгой. Пришли результаты.

– Отлично! Что там? Все в порядке?

Но ответ доктора заставляет меня напрячься. Нутро обжигает дурным предчувствием, оно нарастает, отчего мое тело начинает мелко подрагивать.

Перехватываю телефон двумя руками, чтобы не уронить.

– Я бы хотела побеседовать с вами лично. Не по телефону. Это очень серьезный и важный разговор.

– Хор-р-ошо, – тяжело сглатываю. От волнения и мандража голос дрожит, и я заикаюсь. – Когда мне подъехать?

– Чем раньше, тем лучше.

Здоровье Кнопки было для меня первостепенным с самого первого дня ее рождения. Я переживала за каждое покашливание, насморк, а когда первый раз поднялась температура, то меня впору было откачивать от сердечного приступа.

Поэтому слова доктора я воспринимаю близко к сердцу. Возможно, анализы не показали ничего серьезного, и все корректируется адекватной терапией, но... сердце матери, оно все равно будет переживать.

И дабы спасти хоть сколько-нибудь нервных клеток и успокоить душу, я, даже не поднимаясь на этаж и не ставя никого в известность, разворачиваюсь и бодро несусь обратно к выходу.

Но выйти за стеклянные двери не успеваю – меня останавливает властный и жесткий голос, от которого кровь стынет, и мурашки носятся, как сумасшедшие.

– Рада Алексеевна, задержитесь.

Останавливаюсь и боюсь поворачивать голову. Мы расстались с боссом далеко не на дружественной ноте, и, чувствую, сейчас мы снова друг друга не «услышим».

Лука обходит меня, останавливаясь напротив, оглядывает с головы до ног, засунув руки в карманы брюк.

– Куда-то торопитесь? – обманчиво спокойно интересуется босс.

– Да, извините, мне нужно в больницу...

Чуть не выпаливаю «насчет анализов дочери», но вовремя прикусываю язык. Не время и не место сообщать сейчас ему эту информацию, да и вообще дискутировать на эту тему.

– Вы предупреждали о вашем визите? Не припомню, чтобы ваше заявление попадало мне на стол...

– Нет, необходимость возникла спонтанно... Но мне очень надо... срочно...

– Сбежать, значит, решили, – Лука прищуривает глаза и недобро усмехается. В этот момент он выглядит очень устрашающе, настолько, что я отступаю на шаг назад. – Посреди рабочего дня. А вы знаете, что это карается по закону? И я просто могу засчитать вам это как прогул?

На секунду прикрываю глаза, пытаюсь выровнять дыхание и унять бешено колотящееся сердце. И не оправдываться, как школьница, прогулявшая урок.

– Я не сбегаю. Просто это очень важно и срочно. Это вопрос здоровья. Я буквально туда и обратно. Пожалуйста, Лука Георгиевич, разрешите мне съездить. Это займет не больше часа. Обещаю, что задержусь и отработаю пропущенное время. Или выйду в выходной.

– Вам сейчас плохо? Есть угроза жизни вашему здоровью?

– Нет, но...

– Тогда вернитесь в ваш кабинет, Рада Алексеевна. Обед уже закончился.

– Нет.

Выпаливаю и сжимаю кулаки, со всей силы стискивая зубы. Непробиваемый тиран! Бесчувственный деспот! Сталин моего времени!

Но выбирая между работой и здоровьем Кнопки, я всегда выберу последнее. Без скромности, я – хороший специалист в своей области, и найти новую работу мне не составит труда. Тем более, без тирана в лице Луки.

– Нет? – переспрашивает, выгибая бровь.

– Простите, – шепчу, медленно пятаюсь спиной в сторону выхода. – Для меня это очень важно. Вы меня поймете... Я потом все объясню.

– Как вернетесь – сразу в мой кабинет. Будем по-другому разговаривать!

Наверно, Лука говорит мне вслед что-то еще, но я его не слышу. Я сломя голову несусь к стоянке такси и запрыгиваю в первую попавшуюся машину. Называю адрес и мысленно подгоняю водителя. Потому что тревога за дочь усиливается с каждой минутой. Как будто что-то неминуемое ждет меня. Что-то невыносимо плохое.

И врач, едва я опускаюсь на стул в кабинете, подтверждает мои слова.

– Простите, что? – шепчу. Меня сшибло, как будто в меня на полной скорости врезалась фура. – Нет-нет-нет, это какая-то ошибка! Это не может быть с моей дочерью! Не с моей Кнопкой! Вы что, она же еще ребенок!!

Я не могу сдерживать рыданий и плачу в голос. Не обращая ни на кого внимания. Новость о диагнозе дочери придавила меня могильной плитой. Такое невозможно осознать. Принять.

Почему не я? Почему моя малютка?! Она же ни в чем не виновата! Она же ребенок! Это же... Господь Всемогуший, через сколько всего ей придется пройти! Через какие адские муки... Как?! Как мне все выдержать, глядя на ее мучения и не сломаться?!

– Рада Алексеевна, – врач протягивает мне стакан воды, – вам нужно успокоиться и взять себя в руки. Сейчас, в первую очередь, от вас зависит выздоровление вашей дочери.

– А оно возможно? – с надеждой смотрю на врача.

– Конечно! – с жаром отвечает доктор. – Шансы всегда есть. Не скрою, ситуация у вас не из простых. Но вы вовремя забили тревогу.

Я вытираю слезы и стараюсь выпрямить спину. Тяжело. Непосильная ноша. Она давит, медленно убивая. Смогу ли я пронести этот крест в одиночку?..

– Хорошо, – тяжело вздыхаю, стараясь взять себя в руки и не дать слезам снова пролиться. Доктор права. Я – единственная надежда Кнопки. Больше у нее никого нет. И я должна быть сильной. У меня нет иного выхода. Потому что в моих руках наши жизни. Обоих. Потому что без моей малютки жизни нет, это я знаю точно. – Что мне нужно делать?

– Для начала пройти терапию. Посмотрим, как организм будет на нее реагировать. Вот вам список необходимых дополнительных анализов и обследований.

– А дальше? Если... – голос хрипнет, и следующие слова я буквально выталкиваю из себя, – если лечение не поможет?

– Вот, возьмите, – доктор протягивает мне список учреждений. – Здесь делают пересадку костного мозга. Я бы посоветовала вам заранее в них обратиться и узнать об очереди и расценках. Чтобы не терять потом времени на сбор денег.

Прикрываю глаза, тяжело и глубоко дыша. Боже. Операция. На костном мозге! И это предстоит вынести моей маленькой хрупкой Кнопке. Я не смогу... Я не выдержу на это смотреть... Я же умру вместе с ней...

– Доктор, я слышала... что такие операции не всегда помогают... Донора найти очень сложно... Что тогда? Это... это приговор?

– В таком случае у вас останется единственный выход, – заявляет врач, буравя меня пристальным взглядом.

– Какой?

Я на все согласна!

Только вот не все, как оказывается, выполнить мне под силу.

– Родить еще одного ребенка для спасения дочери.

Глава 13

Рада

Я выхожу из кабинета доктора, как будто обухом по голове ударенная. Оглушенная. И убитая. Но мне придется взять себя в руки, и сегодня, забирая Кнопку из садика, делать вид, что ничего не происходит. Потому что таков удел всех мам – быть сильными за двоих: за себя и малыша.

Надо успокоиться. Времени у меня – ровно до момента возвращения в офис. Потому что мне еще предстоит встреча и объяснение с Лукой. И что-то мне подсказывает, что он не будет стесняться в выражениях.

– Ты где была? – полупшепотом испуганно интересуется Лена. – Тебя босс искал. Рвал и метал, и строго велел, чтобы ты, как появишься, сразу же к нему в кабинет пришла.

– Спасибо, Лен. По работе в целом все в норме? Меня никто не искал?

– Все хорошо, в штатном режиме. Так что случилось, Рада? На тебе лица нет. Что-то серьезное?

Очень. Случилось то, что перевернет мою жизнь с ног на голову, превратив ее в ад. И самое страшное, что мне не на кого положиться, ведь Платон, тот с кем мы обещали друг другу «и в горе, и в радости», решил, что сейчас, когда я изо всех сил старалась подарить нам ребенка, самое время завести его на стороне.

Плывать на Платона. Как говорится, барабан на шею, попутного ветра и поезд навстречу. Пусть будут счастливы с Ритой. Мне правда плевать. Сейчас главное – вырвать мою Кнопку из лап смертельной болезни. Во что бы то ни стало.

Вспоминаю Олюшку, и на глаза наворачиваются слезы, а в голове снова бьют набатом вопросы: почему именно она?! Почему моя девочка?! Чем я так прогневила небеса?! И перед глазами все, что ей предстоит пройти. Ее слезы, боль, ее просьбы, обращенные ко мне, чтобы я помогла и облегчила ее страдания... КАК?! Как я все это перенесу?!..

Меня тошнит. Накрывает резко, как волной цунами. Срываюсь с места под недоуменный взгляд Лены и несусь в дамскую комнату. Меня долго полощет. Встаю с колен, руки трясутся, перед глазами все плывет, в голове последние слова доктора.

«Родить еще одного ребенка для спасения дочери».

На прощание доктор предупредила меня, что ребенок должен быть единоутробным, иначе смысла в донорском материале не будет, с вероятностью в восемьдесят процентов, он не подойдет.

Лука – отец Кнопки. Родной отец. Вот только он о ней даже не догадывается...

Я готова прямо сейчас вломиться к нему в кабинет и попросить сделать мне ребенка. Или сдать биоматериал для ЭКО, у меня же есть замороженные яйцеклетки, мы с Платоном готовились провести эту процедуру. Ведь это совсем не страшно.

Страшнее упустить время и потерять Олюшку.

Решительно умыв лицо холодной водой, выхожу из туалета и буквально врезаюсь в босса.

– Какого...?! – орет он на весь коридор, ловя меня за талию. – А, это вы, Львова. Явились, значит...

– Да, вы просили зайти. И у меня к вам разговор. Серьезный.

Лука окидывает меня придирчивым взглядом с ног до головы, задерживаясь на губах. Его глаза цвета штормового неба, а, значит, он действительно зол. Так разозлил мой самовольный уход?.. Черт, я, кажется, поторопилась с разговором. Непонятно, как он отреагирует на новость о дочери в таком настроении, а уж на просьбу о ребенке...

– Что-то вы бледная. Действительно нехорошо? Были у врача?

Только киваю, на большее меня не хватает.

– Ладно. Напишите объяснительную, куда и по какой причине вы отлучались, оставьте Людмиле, – Лука смотрит на часы и делает шаг в сторону лифтов.

– Лука Георгиевич, разговор... Это очень и очень важно.

– Потом, Орлова, сейчас у меня есть дела поважнее, – отмахивается от меня на ходу. Но все же оборачивается и, окинув меня хмурым взглядом выдает: – А вы идите домой, отдохните. Выглядите и правда паршиво. Завтра поговорим. И да, Рада Алексеевна, я лишь хотел вам сказать, что перевел Маргариту в другой отдел. Ее место вакантно, подберите сами сотрудника, с кем вам будет комфортно работать. Уволить совсем я ее не могу – сами понимаете, закон не позволяет.

– Спасибо... – растерянно шепчу вслед удаляющемуся боссу.

Глава 14

Рада

Завтра... Мы поговорим с Лукой завтра... А что, если Кнопке не хватит именно этого дня? Что, если промедление на один день...

Даже думать об этом не могу! Тошнота снова подкатывает, и я дышу. Глубокий вдох-медленный выдох.

Я справлюсь. Сама или с помощью Луки. Но даже старуха с косой не заберет у меня моего ребенка!

Воспользовавшись позволением босса, решаю пойти домой, забрать Кнопку пораньше из садика и провести с ней весь свободный вечер. Тем более, мне надо как-то ее подготовить и объяснить, что теперь придется много ходить в больницу, возможно даже полежать там некоторое время.

– Рада, у тебя точно все в порядке? Что от тебя хотел босс? Если нужна какая помощь...

– Все нормально, Лен. Ты делай задания, которые я тебе дала, по плану, а я домой поеду. Мне действительно что-то нехорошо. Босс в курсе. Он, кстати, куда-то укатил. Так что можешь работать спокойно.

– Опять наверно к жене, – Лена закатывает глаза, стараясь скрыть свою саркастическую улыбку. – Я уже не раз слышала, как она ему звонит и выносит мозг.

Черт. Черт!

Жена. Кольцо на пальце Луки. Я совершенно про нее забыла...И как же мне теперь попросить у него ребенка для спасения нашей дочери?! Сомневаюсь, что супруга босса одобрит мою затею. Даже во имя жизни маленькой девочки.

Я сникаю еще больше. Моя надежда найти спасительный выход тает буквально ежеминутно...

В садике на детской площадке нашей группы я замечаю мою Кнопочку сразу же. Мне кажется, она выделяется среди всех детишек, потому что такая нежная и самая красивая девочка. На глаза наворачиваются слезы, и боль из сердца рвется наружу, ее так много, что невозможно вместить. С силой закусываю нижнюю губу, до металлического привкуса во рту, чтобы не завывать от безысходности.

– Мамоочка! Моя мамочка пришла! – раскинув ручки, Олюшка бежит ко мне. Сажусь на корточки и принимаю ее в свои объятия, сразу обняв ее целиком.

– Мама, ты что, плачешь? У тебя что-то болит?

И смотрит так внимательно. Обеспокоенно. Моя заботливая малышка. Ведь она такая одна на целом свете...Все понимает. И мне будет очень сложно объяснить ей, что она болеет, и нам теперь надо бороться за ее жизнь. Будет сложно, потому что она будет задавать вопросы не по годам, ставя меня в тупик. Разрывая мою душу на ошметки. Но еще сложнее: ей, как и любому ребенку, будет страшно. Очень страшно. А мне надо будет подобрать такие слова, чтобы она верила, что мы справимся. Но прежде мне надо поверить в это самой.

– Нет, котеночек, у меня ничего не болит. А у тебя?

– Нет, только вот на ручке новые синячки появились, – Кнопка задирает рукав кофты, демонстрируя два огромных и фиолетовых синяка. Смотрю, и как ножом по сердцу. Целую их, окропляя своими слезами, и про себя повторяю: «Мы справимся. Справимся. Я тебя никому не отдам. Отвоюю. Выторгую».

– Я тебя люблю, мамочка, – Олюшка обнимает меня за шею, крепко прижимаясь.

Ничего не отвечаю, лишь сильнее стискиваю свои объятия.

Перед глазами встают кадры из нашей с ней жизни: как она первый раз осознанно на меня посмотрела и украла мое сердце, как улыбнулась, а я плакала от умиления, когда увидела милые ямочки на щечках, как сделала свой первый шаг, испугалась и скорее нырнула в мои объятия. Как назвала меня мамой, так заглядывая в глаза, что сразу становится понятно: я – ее мир. Единственный человек, которому эта малютка доверяет безоговорочно.

Ты – мое все, Олюшка.

Без тебя, моя Кнопочка, меня просто не будет.

Глава 15

Рада

За все шесть лет родительства я впервые понимаю, насколько быть сложно мамой. Насколько это порой непосильная ноша. Вынесу ли я ее?..

– Мамоочка, зачем мне надо снова в больницу? – Кнопка обеспокоенно смотрит мне в глаза и инстинктивно прижимается к коленям. – Я не хочу!

– Малышка, так надо...– слова застревают в горле, я пытаюсь их протолкнуть, но ничего не выходит. Хочется выть, биться головой об стену, только бы понять, что кошмар, в который превратилась моя жизнь – сон. Что угодно, но не наша с Кнопкой реальность, где мой единственный ребенок смертельно болен, а я совершенно одна, разрываюсь в поисках решения проблем и лечения.

– Не хочу! Мне страшно! Мам, давай домой поедem? Мне опять будут руку колоть, это больно!

Кнопка закрывает ладонями лицо и тихо плачет. Не напоказ, не шантажируя, а потому что действительно страшно.

Ее слезы рвут мне сердце на ошметки, и я захлебываюсь в собственном отчаянии. Сейчас я для дочери тот единственный человек, на чью защиту она надеется. Должна подобрать слова, успокоить, дать надежду, что все будет хорошо. Вот только как я могу это обещать, если в самой уверенности ни на йоту?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.